

АЛЕКСАНДРА БОЛТУХИНА
ДИМ ДИМЫЧ КОЛЕСНИКОВ

БЕЗУМЕЦ

— ❖ КНИГА ПЕРВАЯ. ❖ —

**Александра Болтухина
ДимДимыч Колесников
Проект Восхождение.
Безумец. Книга первая.
Серия «Проект Восхождение», книга 1**

*<https://litres.ru/73347816>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Костя Савушкин, археолог из нашего времени, просыпается в чужом теле, в другой ветке реальности, в Архангельске 1899 года. В этом мире магия такая же реальность как наука и религия.

Теперь он Клементий Морошкин, мелкий служащий. Вместе с памятью прежнего владельца, он получает младших брата и сестру, долги, голод и отчаяние. Но в кармане лежит странный медальон, а в памяти всплывают обрывки ритуала, начатого прежним хозяином тела. Мир вокруг не таков, каким кажется: в тумане скрываются незримые сущности, а на улицах разворачивается тайная война «проснувшихся».

Чтобы выжить и защитить чужих, но теперь родных людей, Он должен освоить силу нового мира. Силу, которая открывает глаза на истинную природу реальности, но грозит свести с ума.

Его путь начинается здесь, на первой ступени восхождения. И это Путь Безумца.

Начало очень долгого и захватывающего путешествия по Пути Восхождения...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	60
Глава 6	70
Глава 7	79
Глава 8	90
Глава 9	100
Глава 10	112
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Александра Болтухина, ДимДимыч Колесников Проект Восхождение. Безумец. Книга первая.

Глава 1

Ледяной пот, не испарина, а именно что пот от холода, выступил на его лбу и спине. Холод в Архангельске - не стихия, а живое, мыслящее существо. Он не морозит; он иссушает, вытягивает тепло из костей, оставляя после себя хрустальную пустоту, наполненную звоном в ушах. Он пробирается сквозь щели в разохшихся за сто лет рамах, стелется по полу небольшой каморки в доме №12 по Поморской улице и неторопливо душит того, кто забыл закрыть рот во сне.

Костя Савушкин, 27 лет от роду, по образованию был археологом, о чём недвусмысленно намекал диплом Санкт-Петербургского государственного университета о том, что он прошёл полный курс обучения по программе «Археология (с дополнительными квалификациями Учитель истории и обществознания / Хранитель музейных ценностей / Специалист по учету музейных предметов)». По натуре же своей он

был человек лёгкий, непоседливый, к семейной жизни не приспособленный, тяги к оседлому образу жизни не имевший.

Посему после вуза, отработав в родном Северодвинске, год учителем в школе пустился на хлеба вольные, в русле основной своей специальности. Черным копателем не был, но на огромной территории северных земель он был известен как Костя-сталкер - который профессионально занимается исследованием оставленных территорий: жилых домов, церквей, заброшенных деревень, и городов-призраков. Ходил в рейды один, был в неплохой физической форме, свои выходы готовил основательно, да и добычей делиться ни с кем не приходилось. Регулярным заработком Костя похвастаться не мог, но периодически и ему перепали интересные находки, которые получалось пристроить в руки коллекционеров, за очень неплохие деньги.

Как человек с профильным образованием, Костя никогда не обходил вниманием, работу с бумагами, часами мог просиживать в архивах, имел связи в музейной среде, куда периодически приносил старые, не слишком ценные находки. Потому, когда раскопал упоминание об одном старом долмене, недалеко от Архангельска, быстро собрал свой рабочий рюкзак, и с утра пораньше двинулся в путь.

Проснулся Костя от того, что не мог вдохнуть. Воздух в легкие не шел. Горло было сжато тисками невидимой руки.

Он дернулся, сел на койке, и мир вокруг поплыл, закружился в вальсе серых и коричневых пятен. Первая мысль была ясной, как удар колокола: «Это не мое тело. Это не мой мир». Последнее, что всплыло в памяти, то, как он, протиснувшись в найденный монолитный дольмен, в предвкушении протягивает руку, к лежащей на каменном возвышении книге.

Он уставился на свои руки, вытянутые перед лицом в сером свете, пробивавшемся сквозь заиндевевшее оконце. Длинные, бледные пальцы, с желтизной у ногтей, с тонкой мозолью на среднем пальце правой руки - от пера. На мизинце левой - след от когда-то впившегося кольца, ныне проданного. Чужая память, вязкая и липкая, как смола, поползла по извилинам его сознания, навязывая себя.

Имя: Клементий Игнатьевич Морошкин. Возраст: двадцать два. Место: губернский город Архангельск, Архангельская губерния, Российская Империя. Чин: коллежский регистратор (низший, 14-й класс, «ваше благородие»). Должность: младший писец, он же «чернильная душа», в нотариальной конторе «Столяров, Щеглов и Компания». Состояние: долги, как удавка. Долг лавочнику Колосову - 17 рублей 40 копеек. Долг за последнюю четверть гимназии брату Мирону - 25 рублей. Долг квартирной хозяйке Прасковье Федотовне - за два месяца, 12 рублей. В кармане: три пятака, два гроша и медный крестик на тонкой цепочке. Семейное положение: сирота. Ответственность: брат Мирон, 16 лет, гимназист 4-го класса; сестра Анфиса, 19 лет, работ-

ница на ситценабивной мануфактуре купца Морозова. Состояние души: предсмертное.

Он медленно, словно каждое движение могло разбить хрупкий сосуд нового бытия, повернул голову. Жильё съёмное, несколько соседних комнат, с выходами в общий коридор. Его каморка была крошечной, шагов пять в длину и три в ширину. Всё её убранство: железная койка с тощим, продавленным валом тюфяком, набитым морской травой; продавленный табурет; крохотный столик с оловянным умывальником, треснувшим кувшином и огарком стеариновой свечи в жестяном подсвечнике; узкий, покосившийся шкафчик для одежды. В углу чернела квадратная пасть печурки, но в ящике рядом не было ни полена - лишь серая пыль да обломок кирпича. Воздух пах пылью, старыми книгами, затхлостью и подспудно - отчаянием.

Он - новый Клементий - поднялся. Ноги, чужие и слабые, подкосились. В висках забили два молота, отдаваясь глухой болью в затылке. Он прислонился к стене, шершавой от извести и холода, давая сознанию уцепиться за реальность. В крошечном, замутненном зеркальце над умывальником на него смотрел незнакомец. Бледное, исхудавшее лицо с резкими скулами и глубокими тенями под глазами. Темные волосы, отросшие и беспорядочно падающие на лоб. Серые глаза - цвет северного моря перед штормом - полные такого животного недоумения и бездонного ужаса, что он едва узнал в них отражение своей прежней, стертой личности. То-

го, кто... кто коснулся книги в... в найденном дольмене?
Туман. Вспышка боли. Медные символы, танцующие перед глазами...

Он опустил взгляд на стол, отрываясь от призрака в зеркале. Среди аккуратных стопок бумаг (копии контрактов, черновики писем) лежал плоский кожаный кошелек. Руки дрожали, когда он развязывал шнурок. Внутри, на потертом бархатном ложе, лежали жалкие монеты: три пятака, два гроша. Медный блеск последних надежд. Рядом - сложенный вчетверо листок. Счет из бакалейной лавки «Колосов и Сыновья». Размашистый почерк купца: «Мука ржаная - 45 к., сахар-песок - 1 р. 20 к., свечи сальные - 30 к., вобла копченая - 25 к. Итого: 2 р. 20 к. Общий долг - 17 рублей 40 копеек. Кредит более не продлевается. В случае неуплаты - обращение к судебному приставу. Колосов».

Удар в дверь, внезапный, грубый, словно били не в дерево, а в его грудную клетку, заставил его вздрогнуть и едва не вскрикнуть.

- Морошкин! Клементий Игнатьевич! Аль дух испустил в своей конуре? - прорезал утреннюю тишину хриплый, простуженный голос хозяйки, Прасковьи Федотовны. Звук скрипел, как несмазанная дверь. - Вторые сутки ни слуху, ни духу! Не выходишь, не стучишься! Квартирные платить изволите, или мне городского Петровича кликать? Он у меня родственник, он вам мигом дверь с петлей сорвет, не посмотрит, что чиновник!

Сердце забилося дико и часто, птицей, попавшей в силлок. Вторые сутки. Значит, тот, прежний Клементий, лежал здесь, умирая или готовясь к чему-то, два дня.

- Жив, Прасковья Федотовна! - выдавил он, и голос прозвучал сипло, чужим, надтреснутым тенором. - Сильно... сильно занедужил. Грипп, кажется. Сегодня же... на службу выйду. Всё заплачу!

За дверью послышалось тяжелое, недовольное сопение.

- То-то же, «заплачу»! Послезавтра - первое число. Без денег - на улицу, на свежий воздух! И братца вашего гимназиста - в судомойки к трактирщику Ермолаеву, честное слово! Больно уж он чистенький ходит, белоручка!

Тяжелые, мужские шаги (Прасковья Федотовна носила валенки на три размера больше) затихли, спускаясь по скрипучей лестнице.

Паника, холодная и цепкая, сменила первоначальный шок. Он заперт. Заперт в теле незнакомца, в чужом времени, на краю социальной и финансовой пропасти. У него нет выбора. Ему нужно стать Клементием Морошкиным. Прямо сейчас. До того, как его вышвырнут на улицу, а брата отправят мыть посуду в вонючем трактире.

Он начал одеваться, движения были медленными, неловкими, будто тело сопротивлялось, помнило другого хозяина. Белье грубое, холщовое, постиранное до серости. Носки с аккуратными штопками на пятках - сестрина работа. Пиджак и брюки из дешевого драпа, лоснящиеся на локтях и

коленях от долгой службы, но вычищенные щеткой до скрипа. Жилет с пятном от чернил, которое старательно выведено лимонной кислотой. В кармане жилета он нащупал не только монеты. Еще один предмет. Маленький, плоский, деревянный. Он вытащил его.

Это был медальон. Небольшой, овальный, из дерева настолько темного, что оно казалось черным, как полярная ночь, вобравшая в себя все тени. Поверхность была отполирована до бархатной гладкости временем и прикосновениями. В центре был вырезан сложный, гипнотический узор: полураскрытый глаз, зрачок которого был точкой абсолютной пустоты, а вокруг - вьющиеся, словно языки холодного пламени или щупальца глубоководной твари, лучи. Прикосновение к нему вызвало не боль, а странное, глубокое ощущение резонанса, будто в руке он держал не безделушку, а крошечный, спящий узел мироздания. От него исходил слабый, едва уловимый гул, слышимый не ушами, а костями. Он судорожно засунул его обратно в карман, прямо к сердцу. Потом. Разберемся потом.

Его взгляд, блуждающий и беспокойный, наконец, упал на стопку бумаг на столе. Сверху, отдельно, лежала небольшая книжка в простой черной кожаной обложке, потрепанная по углам, с закладкой из грубой серой бумаги. Дневник.

Пальцы сами потянулись к нему. Он открыл на последней записи. Датировано: «29 октября 1899 г.». Вчера? Нет, позавчера. Почерк, сначала ровный и аккуратный, к концу стано-

вился нервным, рваным, буквы съезжали, чернила кляксили.

- «Всё кончено. Сегодня Столяров вызвал меня в кабинет. Не в контору, а в свой домашний кабинет, пахнувший дорогим табаком и лицемерием. Сказал, что контора терпит убытки из-за моей “рассеянности” в деле о наследстве купца Ветрова. Это наглая ложь. Это месть. Месть за то, что я отказался подделать запись в реестре в пользу его шурина, купчишки третьей гильдии. “Этика, - сказал я. - Закон”. Столяров улыбнулся, как кот перед мышью. “Этика не накормит твоего брата, Морошкин. А закон... закон гибок для тех, кто умеет его гнуть”. Уволить меня хочет, но не сразу - дал месяц “на исправление”. Это формальность. Пустая отсрочка. Месяц - и мы с Мироном на улице. Анфиса одна нас не потянет, она и так надрывается. Долги отца, как удавка на шее, только туже. Лавочник Колосов грозит судом, пристав - описью имущества. Какого имущества? Этой койки и драпового пальто? Денег нет. Нет совсем. Есть только один путь... чтобы всё исправить. Чтобы они получили хоть что-то. Страховую выплату за смерть чиновника. Пусть маленькую, но хоть что-то. Всё в руках Господа. И в руках тех, к кому я теперь обращаюсь. Последняя надежда - на реке, среди того, что все отвергли. Простите меня, Мирон, Анфиса. Простите. Я вас так люблю...»

Клементий откинулся на стуле, и стул жалобно скрипнул. Комната поплыла, завертелась. Его тошнило. Предыдущий хозяин этого тела не просто отчаивался. Он хладнокровно

планировал. Страхование выплата в случае смерти. Он хотел превратить свою нищую жизнь в последний, кровавый капитал для семьи. Жертва. Благородная, страшная, отчаянная. Но что-то пошло не так. Ритуал? Неудача? В записи была загадка: «тех, к кому я теперь обращаюсь». К кому?

Он лихорадочно, с дрожащими руками, перелистал дневник назад, шершавые страницы шелестели, как сухие листья. Нашел. Запись недельной давности.

- «22 октября. Всё страннее и страшнее. После встречи с тем человеком на свалке у Старой Пристани сон мой исчез. Вместо него - видения. Символы, пляшущие на стене. Глаз, который видит меня даже сквозь веки. Он, тот человек, говорил, что есть Истина за завесой нашего мира, что наша реальность - лишь верхний слой краски на древней, гниющей доске. И что отчаяние - не конец, а ключ. “На свалке истории находят обломки будущего”, - сказал он, и его глаза были пусты, как колодцы. Я должен вернуться туда. Моя последняя надежда - на реке, среди того, что все отвергли. Он оставил знак. Надо найти знак...»

Свалка. Старая Пристань. Ключ. Знак.

Клементий вскочил, опрокинув табурет. У него не было плана, кроме этого хрупкого, безумного указания. Он должен был понять, что произошло. Кто он теперь? Почему он здесь? Что за ритуал начал настоящий Клементий и почему вместо него здесь оказался он?

Он наскоро умылся ледяной водой из кувшина, вода обо-

жгла кожу. Пригладил волосы мокрыми ладонями, надел поношенное, но еще державшее форму драповое пальто с бархатным воротником, стершимся до основы. В карман сунул дневник и медальон. Последний раз окинул взглядом свою клетку. И вышел, тихо, как вор, прикрыв за собой дверь.

Сравнив свои воспоминания с памятью Клементия, Костя с удивлением историка понял, что это несколько иная ветка реальности, в которой хоть основные вехи и совпадали, но в этом мире Архангельск не теряет при Петре I своего статуса главного торгового порта страны. И становится практически второй столицей Российской империи, а при Екатерине II так и вовсе получает равный Санкт-Петербургу статус.

Дом Прасковьи Федотовны был типичным Архангельским доходным домом - «колодцем» - узкий, высокий, темный. Лестница круто уходила вниз в почти полный мрак, пахнувший кислой капустой, керосином, тухлой рыбой и вековой пылью. Стены были липкими от сырости. На площадке второго этажа на него уставился образ Спаса Нерукотворного в углу, лик на доске потемнел от времени и копоты, глаза казались слепыми и всевидящими одновременно.

На улице его обдало настоящим шквалом жизни. Архангельск, несмотря на холод, жил своей утренней, деловой, кипучей жизнью. Грохот десятков телег по булыжной мостовой, лязг конок, визг пилы на лесопилке за рекой, гудок паровоза с товарной станции. Крики разносчиков, накладывающиеся друг на друга, создавали странную симфонию: «Сай-

ка горячая! Паровые сайки!», «Свежая морская рыба! Треска, пикша!», «Веники банные, прочные веники!». Воздух был густой, почти видимый коктейль из запахов: сладковатый дым березовых поленьев из тысяч печных труб, едкий, въедливый смрад с кожевенного завода за городом, соленая, йодистая свежесть с реки Двины, и вездесущий, фундаментальный аромат дегтя, смолы и соленой воблы.

Клементий, опустив голову и втянув шею в воротник, зашагал вдоль набережной. Он знал путь - знание всплывало из глубин чужой памяти, как утопленник. Старая Пристань. Когда-то, при Петре, здесь кипела жизнь, строились корабли. Теперь это было заброшенное, гиблое место на окраине порта, куда свозили строительный хлам, сгнившие сети, битые баржи и прочий городской сор. Место было безлюдным, особенно в такой промозглый, серый будний день.

Он свернул с набережной, прошел мимо складов с запортыми воротами, мимо чадающей мастерской бондаря, и вышел на пустырь. Ветер здесь был злее, гудел в ребрах ржавых конструкций и свистел в пустых бутылках. Пахло гнилью, тиной и одиночеством.

Он бродил среди груд битого кирпича, полусгнивших бревен, гор шлака и ржавых железных обручей больше часа. Руки коченели, нос леденел. Отчаяние начало подкрадываться снова, холодное и рациональное. Может, это всё бред? Галлюцинации умирающего от голода и горя сознания? Может, настоящий Клементий просто сошел с ума и умер, а он, за-

гадочным образом, вселился в его труп?

И тут он увидел. Почти полностью скрытый под обломком кирпичной кладки от сгоревшего склада и куском рваного, пропитанного мазутом брезента, торчал угол. Не просто мусора. Угол ларца. Небольшого, из темного, почерневшего от времени дуба, с простой, но прочной железной оковкой по краям.

Сердце екнуло, замерло, потом забилось с новой, лихорадочной силой. Он огляделся. Ни души. Только вороны на покосившемся столбе, наблюдающие за ним пустыми, блестящими глазками. Он наклонился, почувствовал, как мышцы спины натягиваются, как струны. Сгреб с груды мусора. Холодный пот выступил на спине от усилия. Наконец, отвалив кирпич и стащив тяжелый, вонючий брезент, он открыл его взгляду.

Ларец. Примерно в пол-аршина длиной. Простой, без украшений, но сделанный на совесть. Он был заперт на небольшой, почерневший замок. Клементий потянул за скобу - не поддавалось. Отчаяние начало снова подниматься в горле комом. И тут его взгляд упал на землю рядом, на сырую глину. Там, почти незаметно, торчал кончик ключа. Простой железный ключ, вставленный в землю, как свеча. Он вытащил его. Он подошел.

Дрожащими, почти не слушающимися руками Клементий вставил ключ в замочную скважину. Поворот - и тихий, удовлетворенный щелчок прозвучал громче любого гудка на ре-

ке.

Он открыл крышку. Внутри, на бархатной подкладке, когда-то бордовой, ныне выцветшей до грязно-розового, поеденной молью и сыростью, лежало три предмета, аккуратно разложенные.

1. Свиток. Из плотной, желтоватой, шершавой бумаги, похожей на пергамент, но тоньше. Туго свернут в трубку и перевязан черной, уже истлевшей шелковой нитью, скрепленной маленькой печатью из темного воска. На печати - тот же символ: полураскрытый глаз.

2. Флакон. Маленький, из темно-синего, почти черного стекла, с притертой хрустальной пробкой. Внутри плескалось немного жидкости. Она была цвета густой ночи, но отливала на свету синими, лиловыми и кроваво-багровыми всполохами, словно пойманное и запертое в стекле полярное сияние.

3. Листок. Простой, сложенный вдвое листок писчей бумаги, желтый по краям. На нем - знакомый, нервный почерк.

Клементий, преодолевая дрожь в пальцах, развернул листок первым.

- «Тому, кто нашёл это, значит, либо ты сделал окончательный выбор, либо Судьба, слепая и насмешливая швея, выбрала тебя в качестве очередной заплатки на своем лоскутном одеяле. Неважно. Причина не отменяет следствия.

- В этом свитке - слова. Не молитва, не заклинание в обычном смысле. Это ключ. Слова, которые резонируют с опреде-

ленными точками в ткани мира и открывают Дверь. Их нужно произнести вслух, четко и без страха (страх привлечет Не Того), при свете полной луны, стоя на пересечении двух дорог. Городских или полевых дорог - не важно. Главное - пересечение.

- Флакон - иной путь. Путь внутренний, путь жертвы. Выпей его содержимое, и Истина откроется тебе напрямую, минуя ритуалы и посредников. Ты увидишь то, что скрыто, без прикрас и аллегорий.

- Но запомни, искатель, или беглец: каждый путь имеет свою цену, и счет предъявляется немедленно. Первый путь может стоить тебе рассудка перед лицом открывшейся Бездны. Второй - самой твоей жизни, ставшей жертвенным агнцем на алтаре Понимания.

- Истина не бывает бесплатной. Плата всегда соответствует полученному. Выбирай. Или беги, пока не поздно, и выбрось это в ту же реку, что принесла.

- P.S. Прочтя, сожги это. Огонь очищает не только бумагу.

- Тот, Кто Знает Путь.»

Ледяные пальцы, не метафорические, а самые настоящие, сжали его горло. Дыхание сперлось. Это было чистейшее, форменное безумие. Сектантский бред, оккультный вздор, который и погубил прежнего Клементия, заманив в этот капкан самоубийства. Надо было бросить всё это, пнуть ларец ногой, разбить флакон о камни, повернуться и уйти. Вернуться к долгам, к голоду, к брату, к сестре - к нормальной,

пусть и ужасной, человеческой жизни.

Но он не мог.

Потому что он был здесь, в этом теле, по какой-то причине. Потому что деревянный медальон в его кармане отозвался слабой, но отчетливой вибрацией, когда он смотрел на свиток. Потому что мир вокруг - шумный, вонючий, реальный - вдруг показался ему тонкой декорацией, бумажным экраном, за которым что-то шевелится. И потому что бежать было некуда. Совсем некуда.

Он, почти против своей воли, как марионетка, взял в руки свиток. Шелковая нить развязалась при малейшем прикосновении, рассыпалась черной пылью. Восковая печать треснула. Он развернул пергамент.

И мир перевернулся.

Не метафорически. Физически.

Символы. Их были десятки, сотни. Они покрывали желтоватую поверхность густой, чернильной вязью, сплетаясь в гипнотический, головокружительный узор. Это были не буквы. Не руны. Не иероглифы. Это были... концепции, высеченные в двухмерном пространстве. Спирали, вписанные в остроконечные треугольники, глаза внутри многоступенчатых солнц, переплетенные змеи, пожирающие собственные хвосты, и абстрактные геометрические фигуры, от созерцания которых сознание сползало, натываясь на невозможные углы. И в центре композиции, доминируя над всем, - все тот же символ, но здесь он был выписан с пугающей детализа-

цией: Полуоткрытый Всевидящий Глаз, ресницы которого были похожи на паутинки трещин в реальности, а в глубине зрачка угадывалась бесконечная глубина.

В тот самый момент, когда его взгляд скользнул по этому центральному символу, пытаясь осмыслить невысказанное, деревянный медальон в его кармане вспыхнул.

Не жаром. Холодом. Абсолютным, пронзительным холодом звездного вакуума, который прожигал ткань пальто, жилета, рубахи и впивался прямо в плоть, в кость, в самое нутро. Боль была мгновенной, ослепительной, белой. Он вскрикнул, горлом, которого не слышал, и выронил свиток. Но было уже поздно. Цепь реакции была запущена.

Свалка, небо, река, городской шум - всё растворилось, как акварель под струей воды. Он не потерял сознание. Его сознание было вырвано из тела и брошено в бездну.

Он парил. В бесконечной, беззвездной, цветной пустоте. Цвета здесь были не те - кислотные, неестественные, болезненные. Фиолетовый, который резал глаза. Желтый, от которого хотелось выть. Пространство было не пустым, а заполненным гигантскими, пульсирующими сферами, каждая испещренная теми же кошмарными символами со свитка, но теперь они двигались, жили своей жизнью. Между сферами тянулись серебристые, мерцающие нити, образуя паутину невообразимой, безумной сложности - карту вселенной, нарисованную сумасшедшим геометром.

И в центре этой паутины, в точке, где сходились все ни-

ти, в бездонной черноте, которая была чернее любого цвета, медленно, величаво открывался Глаз.

Настоящий. Не нарисованный. Он был немислимых размеров, его радужная оболочка состояла из вращающихся, мерцающих колец, на которых были записаны все языки, когда-либо существовавшие и те, что будут изобретены, и те, что невозможно произнести человеческим горлом. Зрачок был входом в ничто. И этот Глаз смотрел. В него.

В уши, вернее, прямо в самую ткань его души, ворвался Шепот. Не один голос. Тысячи. Миллионы. Они накладывались друг на друга, создавая оглушительный, сокрушающий разум хор. Они шептали на том самом языке символов, и его сознание, растерзанное и пластичное, против воли начало переводить.

«...Проснись, Спящий...

...Колесо Судбы сдвинулось с мертвой точки... Зубцы вошли в паз...

...Тот, Кто Пришел Извне...

...Первый шаг на скользкой лестнице в Бездну...

...Безумец...

...Смотрящий в Тьму и Узнавший Ее. Приветствуем тебя...

...Ключ повернется... Восхождение начинается... Цена будет выплачена...»

Голоса нарастали, превращаясь в оглушительный гул, в рев космического ветра, сдирающего кожу с души. В виде-

нии что-то сдвинулось. Из-за Глаза, из самой черноты зрачка, протянулась Тень. Бесформенная, огромная, состоящая из сгустков ночи, безумия и древнего, леденящего ужаса. В ней угадывались очертания... ЧЕГО-ТО. Существа с бесчисленными щупальцами, усеянными спящими глазами, и ртами, в которых вместо зубов были вращающиеся символы. Оно тянулось к нему. Нет, не к нему. К той искре чужого сознания, что вторглась в эту сферу. Оно было голодно. Оно было Хранителем Порога.

Клементий хотел закричать, но у него не было рта. Хотел бежать, но его дух был пригвожден к месту этим всевидящим взглядом. Тень, холодная как смерть галактики, почти коснулась его...

ЩЕЛЧОК.

Резкий, сухой, как сломанная кость.

Он лежал на спине на холодной, влажной земле свалки, обхватив голову руками. Из носа и ушей текла теплая, липкая жидкость. Кровь. Горло было сожжено криком, который так и не вырвался. Вокруг валялись свиток, флакон и записка. Ларец стоял открытым. Деревянный медальон в кармане был лишь слегка теплым, как тело спящего зверя.

Он дышал. Судорожно, с хрипом и клокотанием, захлебываясь воздухом, который казался слишком густым, слишком реальным. Мир вернулся. Но он был другим.

Он чувствовал.

Чувствовал холод земли не просто как температуру, а как

медленное, вязкое движение миллионов невидимых частиц холода. Чувствовал слабую, затухающую пульсацию жизни в дохлой крысе под ближайшим бревном - эхо угасшего биения. Видел не просто воздух над свалкой, а легкую, едва уловимую, но отчетливую дрожь в нём, словно пространство само по себе было живой, дышащей, нервной тканью, и сейчас по ней пробежала судорога.

Он поднял руку перед лицом. И увидел не просто руку. Вокруг своих пальцев, на расстоянии дюйма, он видел слабое, переливающееся свечение. Тусклое, серо-голубое, с рваными, тревожными вкраплениями темно-желтого - цвета его страха и боли. Ауру. Он видел собственную ауру.

Он был другим. Изломанным. Зараженным. Проснувшимся.

Судорожно, собирая последние силы, словно после тяжелейшей болезни, он собрал артефакты обратно в ларец, захватил его под мышку и, пошатываясь, как пьяный, побрел прочь от этого проклятого места. Каждый шаг отдавался болью в висках. В голове, поверх остаточного гула и звона, стучала одна ясная, леденящая, окончательная мысль:

Клементий Морошкин не просто хотел умереть. Он начал ритуал призыва. Ритуал жертвоприношения себя в обмен на знание, на силу, на спасение семьи. И по ту сторону призвали не смерть. Не бога. Призвали меня. Чужую душу из иного места, иного времени. Теперь я - он. Его долги - мои долги. Его семья - моя ответственность. И я нахожусь не на краю

нищеты. Я стою на краю чего-то бездонного, более древнего и страшного. На первой ступени пути, который эти голоса назвали Восхождением. И первая ступень, мой новый титул, моя сущность... это Безумец.

Он посмотрел на свои дрожащие, бледные руки. Руки мелкого клерка, пишущего чужие договоры. Но теперь под кожей, в глубине костей, билась искра чего-то чужеродного, древнего и ужасающего. В кармане, у сердца, спал медальон с Глазом. В ларце под мышкой дремали инструменты непо-стижимой силы. А впереди, в сгущающихся сумерках Архангельской ночи, ждала полная луна, перекресток дорог и невыносимый выбор, который уже был предрешен.

Он был в игре. И правила только предстояло узнать.

Глава 2

Путь домой был похож на переход через линию фронта. Каждый звук - отдаленный гудок парохода, скрип полозьев саней, обрывки разговоров - врезался в его сознание не как фон, а как отдельный, болезненно острый объект. Он не слышал - он ощущал звуковые волны, их частоту и давление на барабанные перепонки. Свет газовых фонарей на Архангельской набережной растекался в его зрачках не просто светом, а эмоциональными всплесками - тревожным желтым от одинокого прохожего, тусклым серым от запертой конторы, внезапной кроваво-красной вспышкой гнева из распахнутой двери трактира. Это не были цвета в обычном смысле. Это были ауры чувств, проецируемые местом и людьми, которые он теперь видел наложенными на физический мир, как два разных негатива на одном стекле.

Головная боль, начавшаяся на свалке, утихла, но не прошла. Она затаилась в глубине черепа, пульсируя тихим, постоянным ритмом, напоминая: дверь приоткрыта, и её уже не затворить. Ему хотелось закрыть глаза, но это не помогало. Картина лишь слегка меняла оттенок. Закрытые веки не были преградой для этого нового, астрального зрения. Они лишь делали видимый мир похожим на акварельный рисунок, размытым, но не исчезающим.

Он чувствовал истощение, глубочайшее, на клеточном уровне. Как будто он не спал неделю, а его мозг непрерывно решал сложнейшие уравнения. Это была плата. Первая цена.

Дом встретил его запахом щей и тишиной. На кухне, за грубым деревянным столом, под керосиновой лампой с жестяным абажуром сидел Мирон. Перед ним лежали раскрытые тетради, учебник латыни, но он не писал. Он просто сидел, подперев голову руками, и смотрел в одну точку на закопченной стене. Его аура, которую Клементий видел теперь ясно, была тусклой, серо-голубой, как пепел, но пронизанной острыми, колючими прожилками ярко-желтого страха и темно-коричневого стыда. Эти прожилки пульсировали, когда дверь скрипнула.

- Клим? - голос шестнадцатилетнего юноши сорвался на фальцет. Он вскочил, и его аура вспыхнула всполохами. - Господи, наконец-то! Где ты был? Прасковья Федотовна... она уже приходила, грозилась...

- Я знаю, - Клементий прервал его, снимая пальто. Голос звучал хрипло и отчужденно даже в его собственных ушах. Ему пришлось сознательно приглушить свое восприятие, чтобы не видеть, как каждое его слово физически ранит ауру брата, заставляя коричневые пятна страха расти. - Всё в порядке, Мирон. Решу. Уроки?

Он старался говорить мягче, но внутри всё сжималось в холодный ком. Он видел не просто испуганного мальчика. Он видел энергетический отпечаток их бедности, их общего

страха, висящий в воздухе комнаты, как миазмы. Он видел, как нити этой ауры тянутся от Мирона к нему, связывая их в один узел страдания.

- Сделал, - Мирон кивнул, но не отводил взгляда. Его глаза, такие же серые, но ясные, без того безумного блеска, что теперь, вероятно, был в глазах Клементия, изучали брата. - Клим... ты... ты как будто не спал сто лет. И у тебя... кровь. Из носа.

Клементий машинально провел рукавом по верхней губе. Рукав окрасился ржавой полосой. Еще одна цена.

- Простыл. Кровь идет от давления. Не твоя забота, - он резко отвернулся, делая вид, что поправляет вещи на полке. Ему нужно было уйти. Быть рядом с кем-то, особенно с тем, чьи эмоции он теперь видел так ясно, было невыносимо. Это было хуже, чем крик. Это было, как смотреть на открытую, кровоточащую рану души. - Ложись спать. Завтра в гимназию.

Он заперся в своей каморке, прислушиваясь к тому, как за дверью Мирон нерешительно передвигает тарелки, потом слышит его тихие шаги в их общую, тесную спальню. Тишина. Тяжелая, густая тишина, нарушаемая лишь скрипом половиц и отдаленным гулом города.

Ларец стоял на столе, немым укором и единственной надеждой. Теперь он понимал записку куда глубже. «Цена». Он платил ее каждую секунду своим рассудком, своей связью с нормальным миром. Но и выбор «пути жертвы» - выпить

тот мерцающий эликсир - был неприемлем. Это было бы капитуляцией. Он уже прошел точку невозврата в тот момент, когда его душа заменила душу настоящего Клементия.

Он развернул свиток снова, положив его на стол под слабым светом керосиновой лампы. Символы больше не вызвали того шока и не притягивали взгляд с гипнотической силой. Более того, они теперь казались... интуитивно понятными. Как будто часть информации, та, что касалась фундаментальных принципов, уже была в него загружена во время видения. Его взгляд выхватывал узоры, и в голове сами собой всплывали не слова, а ощущения, концепции.

Вот этот спиральный завиток, переходящий в зигзаг: «Возмущение границы».

Вот группа из трех точек в треугольнике: «Триединая цена».

А вот в углу, меньший и не такой броский, но важный - круг с точкой в центре, пересеченный волнистой линией. Смысл пришел сразу: «Пересечение путей под взглядом ночного светила. Ключ к диалогу». Инструкция к ритуалу.

И тогда он понял. Понял окончательно. Чтобы выжить в этом новом, расширенном и враждебном мире, недостаточно просто видеть. Нужно научиться взаимодействовать. Нужно принять правила игры, какой бы безумной она ни была. И первый шаг - совершить ритуал. Не для призыва (это уже случилось), а для активации. Для того, чтобы то, что теперь было в нем, обрело структуру, направление. Чтобы из

пассивного «видящего» стать активным «Безумцем».

Полная луна должна была взойти через час. Он посмотрел на флакон. Жидкость внутри слабо переливалась даже в тусклом свете, как будто в ней была заключена сама частица ночи. «Путь жертвы». Нет. Его путь был другим.

В ту ночь, когда полная луна, огромная, бледная и холодная, как вымытый костяной диск, повисла над черными зубьями фабричных труб Архангельска, Клементий стоял на перекрестке Глухого и Кривого переулков, у старого Иоанно-Предтеченского кладбища. Место было выбрано не случайно: из дневника он знал, что прежний хозяин тела приходил сюда, чувствуя «сгущение теней». Здесь, на границе мира живых и мира мертвых, на пересечении не только дорог, но и символических потоков, сила должна быть мощнее.

Было тихо. Так тихо, что он слышал, как кровь стучит в его висках, и этот стук отдавался эхом в новом, астральном слое реальности, который он теперь воспринимал постоянно. Воздух здесь был иным - плотным, тяжелым, пропитанным старой печалью и холодным безмолвием. Его обычное зрение видело покосившиеся кресты, темные ели, обветшалую ограду. Его новое зрение видело море. Море слабых, серебристо-серых огоньков, клубящихся над могилами - остаточные эманации памяти, покоя, забвения. И между ними - струи холодного, сизого тумана, стелющегося по земле: потоки иного, неживого холода.

Он развернул пергамент. Лунный свет, падающий прямо

на пергамент, заставил символы не просто сиять, а ожить. Они словно приподнялись над поверхностью, обрели объем, и их сложные геометрические формы начали медленно вращаться. Воздух вокруг него сгустился, стал вязким, как сироп. Каждый вздох давался с усилием.

Он глубоко вдохнул, вбирая в себя не просто воздух, а эту леденящую плотность ночи и смерти. И начал читать.

Звуки, которые издавал его голос, не были похожи ни на один человеческий язык. Это были гортанные щелчки, похожие на стук костей, шипение выдыхаемого пара на морозе, низкие вибрации, заставлявшие дрожать стекла в единственном далеком фонаре. Они складывались в странную, дисгармоничную, но гипнотически ритмичную мелодию. Это была музыка распада и нового порядка.

И в этот момент проявилась его первая истинная, контролируемая способность.

По его воле, его обычное, человеческое зрение отключилось. Мир погрузился в абсолютную тьму для физических глаз. Но зато его астральное зрение взорвалось яркостью и детализацией. Теперь он видел не наложенные слои, а чистую анатомию скрытого мира.

Он видел потоки. Не просто свечение, а мощные, цветные реки энергии, текущие через перекресток. Одни - теплые, медово-золотистые, струились от спящих домов за кладбищем (потоки покоя, сна, простых человеческих сновидений). Другие - холодные, свинцово-сизые, текли вдоль дорог и ви-

лись у самой земли, как змеи (потоки страха, усталости, памяти о смерти). Третьи - хаотичные, алые и черные, металлись из стороны в сторону, оставляя после себя дымный след (остаточные эмоции - гнев, боль, отчаяние - прошедших здесь когда-то людей).

Он видел, как эти потоки пересекались в самом центре перекрестка, создавая сложный, пульсирующий узел. Узел силы. Ритуальное место. Это была не метафора. Он видел его структурно, как инженер видит чертеж моста. И он видел, что многие из этих потоков, особенно холодные сизые, брали начало здесь, из-под земли кладбища, из разлома в нормальной реальности.

Это и было первым даром Безумца: Видеть Астральную Анатомию. Видеть не глазами, а всем существом, энергетические связи, эмоциональные отпечатки, слабые места в ткани мира.

Голос его набрал силу, переходя к центральной части текста - серии символов, обозначавших «Призыв к диалогу с тем, что хранит границу». Последний, самый сложный символ - стилизованный Всевидящий Глаз в треугольнике - он прочел нараспев, вкладывая в звук всю свою волю, весь свой страх и всю свою решимость.

Земля под ногами вздрогнула. Не физически, камни не сдвинулись. Но в астральном плане произошло землетрясение. Все энергетические потоки на перекрестке рванули к центру, к его ногам, закручиваясь в массивный, бурлящий

водоворот сизого, алого и золотого света. Из центра этого водоворота, из самой точки пересечения и разлома, стало медленно проявляться нечто.

Сначала это была просто тень, темнее окружающей астральной ночи. Потом в ней обозначились смутные, но оттого не менее ужасные очертания. Множество рук, скелетовидных и вытянутых, тянущихся из одной точки. Пустые глазницы, в которых мерцал не свет, а тьма. Разверстая, беззубая, но оттого еще более страшная пасть, из которой исходил беззвучный вой абсолютной пустоты. Это был не призрак человека. Это был Дух Места. Сгусток накопленного за столетия страха смерти, холода одиночества, боли расставания и забвения, который всегда был здесь, невидимым осадком на дне реальности. Ритуал не создавал его. Ритуал делал его явным, вытаскивал из разлома, как хирург извлекает опухоль.

Чудовище из теней и пустоты зашевелилось. Бесчисленные руки пошевелили костяными пальцами. Пустые глазницы повернулись в его сторону. Оно почуяло живую душу, живую боль, свежую, горячую эмоцию - идеальную пищу для своей вечной, ненасытной пустоты.

Паника, чистая, животная, неконтролируемая, хлынула в Клементия. Он хотел бежать, отбросить свиток, забыть обо всем. Но ритуал держал его. Он был якорем, приковывающим его к этому месту. И в этот момент предельного, обжигающего ужаса, проявилась вторая способность.

Его собственные эмоции, эта волна паники и отчаяния,

вдруг стали для него не просто чувствами, а материей в астральном плане. Он увидел их - как клубящийся, липкий, черно-алый туман, вырывающийся из его собственной ауры, из области груди. Туман был ядовитым, искрящимся крошечными молниями безумия. И с этим видением пришло инстинктивное знание, как умение дышать или моргать: он мог с этим взаимодействовать. Он мог это сфокусировать.

Мысленным усилием, сжавшись всем существом, он не стал отталкивать страх. Это было невозможно. Вместо этого он собрал его. Собрал этот черно-алый туман, всю эту кипящую хаотичную энергию, в тугой, раскаленный, нестабильный шар в самом эпицентре своего сознания. А затем, с криком, который был слышен только в астрале, он выпустил его - не наружу, в мир, а внутрь своего нового, искаженного восприятия реальности. Он не атаковал духа. Он наложил на духа фильтр собственного безумия.

Эффект был мгновенным и катастрофическим для существа из пустоты.

Монстр, тянувшийся к нему, вдруг замер, потом заколебался. Его четкие, пусть и ужасные, очертания (руки, глазницы, пасть) поплыли, исказились, как отражение в треснувшем зеркале. Вместо них появились бессмысленные кляксы, спирали, вспышки несуществующих цветов. Дух места, существо, состоящее из четких, устойчивых, хоть и негативных, паттернов (страх смерти - это холод, одиночество - это тишина, забвение - это темнота), столкнулся с чем-то абсо-

лютно чуждым: с хаотичным, живым, противоречивым, обжигающе-иррациональным человеческим ужасом. Для него это был не просто испуг. Это был вирус. Вирус безумной, живой субъективности, вносивший хаос в его упорядоченную пустоту.

Тень завизжала - беззвучным, леденящим саму душу визгом, который Клементий слышал не ушами, а каждой клеткой своего астрального тела. И стала расплзаться, терять форму, разлагаться на составные части, которые тут же поглощались водоворотом энергии.

Ритуал был завершен. Энергетический водоворот схлопнулся с глухим, астральным хлопком, отозвавшимся в Клементии болезненным спазмом во всем теле. Перекресток снова стал просто перекрестком в астральном плане - потоки медленно текли по своим руслам, узел силы затих. От духа места не осталось и следа - рассеян, уничтожен не силой, а заразой чужого безумия.

Клементий рухнул на колени, давясь сухим, надрывным кашлем. Из носа и ушей снова хлынула кровь, теплая и соленая. Он чувствовал себя так, будто его вывернули наизнанку, пропустили через мясорубку и собрали обратно, но что-то перепутали. Головная боль вернулась с утроенной силой. Но сквозь боль и истощение в нем горело холодное, ясное осознание.

Теперь он знал. Путь Безумца - это не путь грубой магической силы, не огненные шары и молнии. Это путь силы в

виде искаженного восприятия. Его оружие - его же собственная психика, вывернутая наизнанку и направленная вовне. Его сила - в его слабости, в его уязвимости для безумия, которым он может заражать других. Он может:

1. Видеть Астральную Анатомию: Воспринимать скрытую энергетическую структуру мира, эмоциональные отпечатки, потоки силы, слабые места (разломы) в реальности.

2. Фокусировать и Проецировать Психическую Заразу: Собирать свои собственные искаженные психические состояния (страх, панику, позже, возможно, галлюцинации, навязчивые идеи, бред) в сфокусированные пучки и «заражать» ими других существ, особенно тех, чья природа основана на порядке или пустоте. Дезориентировать их, ввергать в временное безумие, ломать их связь с привычной реальностью.

Это была ужасная, саморазрушительная, глубоко одинокая сила. Каждое её использование рисковало стереть грань между действием и состоянием, приблизить его к пропасти настоящего, неконтролируемого безумия. Он был не магом. Он был носителем, распространителем заразного психоделического кошмара. Безумцем.

Когда он, шатаясь, как после тяжелой болезни, побрел прочь с перекрестка, его новое зрение, уже успокаивающееся, но все еще активное, уловило кое-что на краю восприятия. На кирпичной стене старого склепа, в самом углу, где сходились три астральных потока (два сизых и один алый),

он увидел знак. Не нарисованный краской, не выцарапанный. Он был выжжен в самой ткани астрального плана, как клеймо на скоте. Знак был прост, но от того не менее загадочен: стилизованное око, очень похожее на символ с его медальона, но открытое чуть шире, и под ним - циферблат без стрелок, с единственной римской цифрой «IV» внизу.

Кто-то уже был здесь. Кто-то оставил метку. Другие. Возможно, наблюдали. Возможно, ждали, когда новый игрок проявит себя.

Клементий остановился, смотря на знак. Аура вокруг него была холодной, нейтральной, безэмоциональной - просто метка. Но она была маяком. Приглашением? Предупреждением? Он не знал. Но знал одно: он больше не был один в своем безумии.

Теперь он был Клементием Морошкиным, мелким чиновником, должником и старшим братом. И он был Безумцем, первым шагом на таинственном пути Восхождения. Где-то в туманных, вонючих, кишасящих жизнью и тайной улицах Архангельска были другие. Другие, кто видел истинное лицо мира. Игра не просто начиналась. Он уже сделал первый, неуверенный ход. Теперь нужно было узнать правила и понять, кто его противники, а кто - союзники. И как выжить, не растеряв последние крохи своего человеческого «я» в этом танце с безумием.

Он повернулся и медленно пошел домой, к брату, к долгам, к своей жалкой, но единственной человеческой жизни,

которая теперь навсегда была переплетена с чем-то нечеловеческим. В кармане медальон был теплым, почти горячим, словно одобрял произошедшее.

Глава 3

Утро после ритуала пришло с железной поступью. Не с рассветом - на севере в конце октября рассвет был понятием условным, - а с резким, пронзительным звонком будильника, дешевой жестяной трещотки, которая взвизгнула на столе, как напуганная птица. Клементий вскочил с койки, и мир на секунду поплыл в глазах, сдвоился: обычная комната с серыми стенами и поверх нее - бледный, полупрозрачный набросок из астральных линий, где каждый предмет испускал слабое сияние, а его собственная аура колыхалась вокруг него тревожным, переливающимся облаком.

Головная боль улеглась, превратившись в фоновый гул, в постоянное низкочастотное давление за глазами. Цена адаптации. Его новое зрение уже не было таким ярким и навязчивым, как вчера. Оно научилось отступать на второй план, когда он концентрировался на физическом мире, но стоило расслабиться - и астральный слой проступал снова, как водяной знак на дорожной бумаге. Он учился жить с этим. Как с хронической болезнью.

На кухне его ждал Мирон, уже одетый в чистую, хоть и поношенную гимназическую форму. На столе стояли два чайника - один с кипятком, другой с жидкой, темной заваркой, - кусок черного хлеба и блюдец с медом, последним остатком

летней милости. Аура брата была спокойнее, но все еще пронизана тонкими, как иголки, желтыми нитями беспокойства.

- Клим, я... я взял мед. Из общего запаса. Для тебя и сам немного поел, - проговорил Мирон, не глядя в глаза. Его аура дернулась всплеском стыда.

- И правильно, - Клементий сел, наливая себе чаю. Рука не дрожала. Это был прогресс. - Учиться надо на сытый желудок. У меня тоже сегодня важный день в конторе. Надо решить вопрос с долгами.

Он сказал это с такой неестественной уверенностью, что сам себе не поверил. Но Мирон кивнул, и часть желтых нитей в его ауре растворилась, сменившись слабой, голубоватой надеждой. Ложь как бальзам, - подумал Клементий с горькой иронией. Но какая разница, если она работает?

После ухода Мирона он остался один с тишиной и ларцом. Открывать его сейчас, среди дня, казалось кощунством. Вместо этого он вынул из кармана жилета медальон. Дерево было прохладным, почти холодным. Символ Глаза казался просто искусной резьбой. Но стоило Клементию сфокусировать на нём свое астральное зрение, как резьба ожила. Она начала медленно вращаться, поглощая рассеянный астральный свет комнаты, и от медальона потянулась едва заметная, тончайшая нить. Она уходила сквозь стену, в сторону центра города. Приглашение. Или ловушка.

Контора «Столяров, Щеглов и Компания» располагалась на втором этаже солидного каменного здания на Купече-

ской улице. Подъем по широкой лестнице с полированными перилами из мореного дуба был для Клементия испытанием. Каждый чиновник, купец, курьер, проходивший мимо, оставлял за собой шлейф в астрале. У иных он был тяжелым и маслянистым (чванство, алчность), у других - рваным и колючим (страх, униженность). Воздух в коридорах конторы был насыщен этими шлейфами, создавая удушливый, невидимый для обычных людей смог. Клементию приходилось делать усилие, чтобы не «вдыхать» эту грязь, чтобы его собственное восприятие не цеплялось за каждый эмоциональный выброс.

Его место - высокий конторский стол в общем зале, заставленном такими же столами, - было пыльным и нетронутым. На нем лежала папка с делом о наследстве купца Ветрова - то самое, из-за которого его хотели вышвырнуть. Аура папки была интересной: на фоне скучного серого бюрократического свечения ярко горело несколько пятен - одно малиновое (гнев Столярова), другое ядовито-зеленое (зависть коллег), и одно маленькое, но упорное голубое пятно - его собственная, прежняя попытка остаться честным. Теперь это пятно казалось ему наивным и беспомощным.

Не прошло и часа, как его вызвали в кабинет Ивана Петровича Столярова. Кабинет был обит темным дубом, пахло дорогим табаком, воском для мебели и властью. Столяров, мужчина с брюшком, седеющими баками и глазами, как у сытой шуки, сидел за массивным письменным столом. Его

аура была густой, тяжелой, золотисто-медовой, но с вкраплениями жирных, черных капель - словно чистое масло с дегтем. Это была аура процветания, основанного на цинизме.

- Ну что, Морошкин, опомнился? - начал Столяров, не предлагая сесть. - Месяц на исправление идет к концу. Дело Ветрова должно быть закрыто в пользу вдовы. А вдова, как ты знаешь, приходится родственницей моей супруге. Все должно быть чисто, легально и... быстро.

Клементий стоял, глядя не в глаза начальнику, а на его ауру. Он увидел, как черные капли в ней пульсируют в такт речи. Он увидел тонкую, ядовито-зеленую нить, тянущуюся от Столярова к нему - нить презрения и уверенности в своей безнаказанности. И в этот момент что-то в нем щелкнуло.

Он не стал собирать свой страх или отчаяние. Вместо этого он сфокусировался на том самом чувстве, что сейчас испытывал: на холодной, ясной, аналитической грязи. На осознании всей мерзости этой ситуации. Он взял это чувство, эту эмоциональную «грязь», и мысленно, почти рефлекторно, проецировал ее по той самой зеленой нити обратно к Столярову. Не как атаку паникой, а как... усиленное зеркало. Зеркало, отражающее не лицо, а суть поступка.

Это не было заклинание. Это был едва уловимый сдвиг в астральном поле.

Столяров вдруг сморщился, как от внезапного неприятного запаха. Он отвел взгляд, его пальцы постучали по столу. Золотистая аура дрогнула, черные капли на секунду ста-

ли четче, будто их выставили на свет.

- Вы... что-то хотели сказать, Морошкин? - голос его потерял часть уверенности.

- Я полагаю, дело требует дополнительного изучения архивных записей, - сказал Клементий ровным, почти бесцветным голосом. - Чтобы избежать даже тени сомнения в законности. Это может занять время. Возможно, больше месяца.

Он не угрожал. Он просто констатировал. Но в его словах, подкрепленных тем едва уловимым астральным «отражением», прозвучала неожиданная твердость. Столяров нахмурился. Черные капли в его ауре заволновались. Золотистый фон померк. Расчетливый ум нотариуса мгновенно взвесил: скандал, даже потенциальный, из-за какого-то нищего писца? Не стоит. Есть другие способы давления.

- Хм. Усердие, конечно, похвально... - пробурчал он. - Ладно. Изучайте. Но чтобы к концу ноября всё было готово. Ясно?

- Ясно, Иван Петрович.

Выйдя из кабинета, Клементий чувствовал не триумф, а ледяную усталость. Он только что использовал свою способность не для борьбы с монстрами, а в мелкой чиновничьей склоке. И это сработало. Это было унижительно и страшно. Сила Безумца была тоньше, коварнее и применимее в обычной жизни, чем он думал. Она была инструментом манипуляции, усиления подтекста, внушения подсознательного дискомфорта. Оружие для теневых войн.

Остаток дня он провел, механически перебирая бумаги, стараясь не обращать внимания на астральные шлейфы коллег. Его мысли были прикованы к той тонкой нити от медальона. После работы, вместо того чтобы идти домой, он пошел за ней.

Нить вела его не в богатые кварталы, и не в трущобы. Она вела в район, который называли «Средним городищем» - место старых, каменных, но небогатых домов, где селились мелкие лавочники, отставные чиновники, учителя гимназии. Здесь пахло дымом, щами и спокойной, устоявшейся жизнью. Нить привела его к неприметному двухэтажному дому с вывеской «Аптека и магазин хирургических инструментов др. В.А. Звягинцева».

Окна аптеки были затемнены зелеными шторами. Нить от медальона уходила прямо сквозь дверь. Клементий остановился, сердце колотясь. Это было место. «Циферблат без стрелок».

Он вошел. Внутри пахло спиртом, травами, камфорой и чем-то металлическим. Полки были заставлены склянками с латинскими названиями, банками с мазями, коробками с пиявками. За прилавком, в белом халате, стоял высокий, сухопарый мужчина лет пятидесяти с седыми, подстриженными щеткой волосами и внимательными, пронзительными голубыми глазами. Его аура была... странной. Она почти отсутствовала. Вернее, она была очень плотной, очень сжатой, и цвета ее были приглушены до оттенков старого пергамента

и холодного серебра. Она не излучала ничего, лишь поглощала рассеянный астральный свет вокруг. Это был первый человек, чья аура казалась не живым излучением, а инструментом или защитой.

- Чем могу служить? - голос у доктора Звягинцева был тихим, без интонаций, как у человека, читающего вслух инструкцию.

- Мне... посоветовали обратиться. По вопросу необычных... состояний восприятия, - сказал Клементий, подбирая слова.

Взгляд доктора стал еще внимательнее. Он медленно, не спуская глаз с Клементия, вышел из-за прилавка, подошел к входной двери и повернул ключ. Звонок над дверью умолк.

- Пройдемте, - сказал он и, не дожидаясь ответа, направился в глубь аптеки, к узкой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж.

Кабинет доктора Звягинцева был не похож на приемную. Это была лаборатория, смешанная с кабинетом алхимика и библиотекой. Повсюду стояли реторты, колбы, дистилляторы. Полки ломились от книг в кожаных переплетах с тисненными непонятными символами. В воздухе витал сложный коктейль запахов: серы, озона, сушеных грибов и старой кожи. Аура комнаты была насыщенной, плотной, как бульон из астральных частиц. Здесь его собственное восприятие обострилось до боли.

- Вы новичок. «Безумец». Чувствуется по хаосу в вашем

поле, - констатировал Звягинцев, садясь за стол, заваленный бумагами. - Вы нашли медальон. Прошли инициацию на перекрестке. И, судя по остаточным колебаниям, уже попробовали свою силу. На ком? На начальстве?

Клементий почувствовал, как по спине пробежал холодок. Этот человек видел. Или знал.

- Как вы...?

- Я «Ученый». Путь Восхождения «Аркана», этап 8 . Мы изучаем. Анализируем. Классифицируем. Ваше появление в городе вызвало рябь. Небольшую, но заметную для тех, кто знает, куда смотреть. - Доктор достал из ящика стола тонкий серебряный прибор, похожий на лорнет, но с несколькими линзами, и посмотрел через него на Клементия. - Любопытно. Внедрение инородного сознания практически бесшовное. Но фоновый резонанс... отличный от локального. Вы не оттуда.

Это было сказано так же спокойно, как констатация факта, что у него насморк. Клементий молчал, потрясенный.

- Не бойтесь. Я не инквизиция и не «Церковь Глаза». Я независимый исследователь. И в этом городе мы, «проснувшиеся», держимся нейтралитета. Если, конечно, кто-то не нарушает Правил.

- Каких правил? - нашел наконец голос Клементий.

- Первое: скрытность. Мир спящих не должен узнать о нас. Второе: невмешательство в дела других идущих путём Восхождения без приглашения или прямой угрозы. Третье:

оплата за знания и услуги. Ничего не дается даром. - Звягинцев отложил лорнет. - Вы сейчас в самом уязвимом положении. «Безумец» - это фундамент. Ваша сила хаотична и опасна в первую очередь для вас самих. Без знаний вы сойдете с ума по-настоящему или станете добычей для тех, кто охотится за нашими... составляющими.

Он открыл толстый фолиант на столе и начал чертить на листе бумаги странные схемы, объясняя. Мир «проснувшихся», или «вставших на Путь Восхождения», был иерархичен и сложен. Существовали Пути Восхождения - ветви развития, каждый со своими уникальными способностями и своей ценой. Их было, по общепринятой теории - 22. «Безумец» был всего лишь этапом 9 Пути Восхождения, первой, низшей ступенью на одной из этих ветвей. Чтобы двигаться дальше, чтобы получить контроль и новые силы, нужно было продвинуться. А для этого нужны были рецепты - точные формулы следующей ступени, и главный ингредиент - часто часть сущности существа того же или соседнего пути, или особый артефакт.

- Ваш путь, если я правильно определил резонанс, - Путь «Колесо Фортуны», - сказал Звягинцев. - Путь манипуляции вероятностью, судьбой, связями и... конечно, восприятием. «Безумец» - это начало. Вы учитесь видеть нити. Следующая ступень, «Спекулянт», учится на них играть. Но до этого далеко. Сначала вам нужно консолидировать свою текущую ступень. Обуздать безумие, сделать его инструментом, а не

состоянием.

Он предложил сделку. Клементий будет приходить к нему, рассказывать о своих наблюдениях, об экспериментах с силой (осторожных), а доктор, в обмен, будет давать ему знания: как защитить разум, как скрывать свою ауру от других восходящих, как распознавать знаки и метки в городе. И, в будущем, возможно, поможет с информацией о рецепте для «Спекулянта». Плата? Пока - его уникальные данные как «пришельца». Позже - услуги или найденные артефакты.

- В городе есть другие? - спросил Клементий.

- Есть. «Церковь Глаза» - фанатики, поклоняющиеся темным сущностям из-за Завесы. Они опасны. «Совет Холода» - группа, связанная с арктическими аномалиями и путями льда. Нейтральны, но закрыты. И несколько одиночек, вроде меня. И охотники. Те, кто добывает ингредиенты для продвижения, охотясь на других восходящих. Будьте осторожнее всего с теми, чья аура пахнет медью и кровью.

Когда Клементий выходил из аптеки, в кармане у него лежала небольшая, испещренная записями тетрадь - «базовые упражнения для стабилизации астрального восприятия». И тяжесть знаний, которая давила сильнее любого долга. У него появился проводник. И он понял масштаб игры. Он был пешкой, только что осознавшей, что находится на шахматной доске, где фигуры - это древние пути силы, а ставки - души и судьбы.

На обратном пути, проходя по темному переулку, он по-

чувствовал взгляд. Не обычный. Астральный. Чей-то внимательный, оценивающий взгляд, скользнувший по его спине. Он резко обернулся, включив свое зрение на полную силу. В конце переулка, в глубокой тени, он на секунду увидел силуэт - высокий, в длинном плаще, с лицом, скрытым под низко надвинутой шляпой. Аура этого существа была подобна черной дыре, поглощавшей весь окружающий свет, и от нее тянулся едва уловимый, сладковато-приторный запах меди и старой крови. Охотник.

Силуэт не двинулся с места. Просто стоял и смотрел. Затем, медленно, как бы демонстративно, поднес руку к лицу - и исчез. Не убежал. Растворился в тени.

Клементий замер, сердце бешено колотясь. Предупреждение. Демонстрация силы. Или просто отметка новой цели. Теперь он был не просто бедным клерком и новичком-Безумцем. Он был замечен. И в этом мире быть замеченным часто означало быть отмеченным для охоты.

Он почти бегом добрался до дома, каждый шорох за спиной казался шагом невидимого преследователя. Но дома его ждал свет в окне и Мирон с учебником греческого. Обычная жизнь. Хрупкая, бедная, но настоящая. Он должен был защитить это. Любой ценой. Даже если цена - его рассудок, его душа или сделка с силами, о которых он только начал узнавать. Игра была в самом разгаре, и отступить было некуда.

Глава 4

Следующие несколько дней прошли в странном, двойном ритме. Днем - контора, бумаги, приглушенный гул астральных шлейфов и постоянное волевое усилие, чтобы удержать свое восприятие на безопасном, фоновом уровне. Упражнения из тетради доктора Звягинцева помогали, но были мучительны. Одно из них - «Фокусировка на точке» - требовало часами смотреть на пламя свечи, мысленно «сжимая» свою ауру в плотный, непроницаемый шар вокруг себя, отсекая все внешние влияния. После таких сеансов он чувствовал себя так, будто протащил на спине мешки с углем: физически разбитым, но с ясной, почти стерильной головой. Это был искусственный покой, но он был лучше хаоса.

По вечерам он изучал записи. Звягинцев дал ему выписки из «Астральной номенклатуры Ньютона-Лейбница» (оказалось, европейские мистики тоже имели свою классификацию) и рукописный трактат «О разломах в ткани бытия и сущностях пограничья». Из них он узнал, что мир пронизан не только потоками, но и слабыми местами - трещинами, разломами, возникающими в местах сильных страданий, массовой смерти, или на стыках геомантических линий. Через них иногда просачивалось «иное». То, с чем он столкнулся на кладбище, было мелким духом места - амёбой в этом оке-

ане ужаса. Были вещи куда крупнее.

Мирон заметил перемену в брате. Тот стал тише, сосредоточеннее, меньше суетился по поводу денег, но в его глазах появилась какая-то новая, ледяная глубина, которая пугала. Клементий, в свою очередь, видел, как аура брата постепенно светлеет, желтые прожилки страха уступают место более устойчивому голубоватому свечению доверия. Он сделал для этого лишь одно: твердо и без истерик сказал, что вопрос с долгами решается. И это, подкрепленное его новой, пугающей уверенностью, сработало лучше любых обещаний.

Кризис пришел с севера, с моря, как и положено в Архангельске. На четвертый день после визита к Звягинцеву город накрыл густой, молочный туман. Не обычный осенний туман, а астрально-плотный. Для обычных людей это было просто неудобство: слышны гудки пароходов, но не видно воды; фонари превращались в расплывчатые желтые пятна. Для Клементия это был кошмар.

Туман был не нейтрален. Он был насыщен. Мириады микроскопических астральных частиц, выброшенных, как объяснил бы Звягинцев, «дыханием спящего левиафана в полярных морях» или сдвигом геомагнитных полей, висели в воздухе. Они искажали и усиливали всё. Звуки доносились с неправильных направлений. Ауры прохожих, обычно четкие, расплывались в гигантские, пугающие тени. А самое главное - в таком тумане оживлялись мелкие астральные сущности, обычно слишком слабые, чтобы проявиться.

Он видел, как по стенам ползали сизые, похожие на слизней сгустки страха, слышал их тонкий, неслышный писк. Они были безвредны, но их было тысячи, и они создавали постоянный, выматывающий психический фон, как рой комаров.

Именно в такой вечер он возвращался домой с последнего, затянувшегося занятия у Звягинцева (доктор показывал ему, как по колебаниям ауры определять ложь). Путь лежал через старый Литейный мост, перекинутый через один из многочисленных каналов-протоков. Мост был чугунный, ажурный, памятник инженерной мысли прошлого века, но в тумане он казался скелетом гигантского доисторического зверя.

На середине моста, в самом глубоком молочном мареве, он почувствовал изменение. Фоновый гул мелких существ внезапно стих. Воздух стал не просто плотным, а вязким, как кисель. Астральные потоки, обычно плавно огибавшие мост, здесь закручивались в странную, неестественную спираль, создавая зону застоя. И в центре этой зоны он увидел его.

Это был не дух места. Это было нечто иное. Оно казалось сделанным из самого тумана, но тумана сгущенного, темного, с примесью ржавого цвета. Форма его была неопределенной, постоянно меняющейся: то человекоподобный силуэт с непропорционально длинными руками, то клубок щупалец, то просто дыра в реальности, обрамленная мерцающим контуром. Его аура была не цветом, а отсутствием цвета, про-

валом, всасывающим в себя свет и смысл из окружающего пространства. Внутри этого провала пульсировали обрывки чего-то - обрывки вероятностей.

Звягинцев предупреждал о таких существах. «Случайный сгусток» или «Вероятностная личинка». Они рождались в местах, где было совершено много неслучайных выборов под давлением (мост, перекресток, места казней и самоубийств), а потом наложился мощный астральный фон (как этот туман). Они были хаотичны, непредсказуемы и чрезвычайно опасны не физически, а ментально. Они не атаковали. Они навязывали альтернативные вероятности.

Существо, не имеющее глаз, «установилось» на Клементия. И мир вокруг задрожал.

Мост внезапно раздвоился и под его ногами на мгновение стал прозрачным, и он увидел внизу не черную воду, а бурлящую лаву. Запах серы ударил в нос. Это длилось долю секунды. Потом чугунные перила справа от него вдруг протянулись, как щупальца, пытаясь схватить его за руку. Он отпрыгнул, и щупальца снова стали холодным, неподвижным металлом. Слева из тумана вышла фигура - точная копия Мирона, но с лицом, искаженным ужасом, и протянула к нему окровавленные руки. Он зажмурился, и когда открыл - фигуры не было.

Это не были галлюцинации в обычном смысле. Это были навязываемые вероятности. Мир, в котором мост рухнул в прошлом веке. Мир, где металл ожил. Мир, где с его бра-

том случилось несчастье. Сгусток выдерживал из бесконечного веера возможностей самые страшные, самые травмирующие сценарии и проецировал их прямо в его восприятие, смешивая с реальностью. Цель была ясна - сломать его разум, заставить потерять грань между возможным и действительным, и в этом хаосе... что? Поглотить его астральную энергию? Использовать как якорь для полного материализации?

Паника, знакомая и холодная, снова поползла вверх по спине. Но вместе с ней пришло и знание. Это было испытание. Испытание для Безумца. Его сила была именно в работе с восприятием, с искажением реальности. А тут сама реальность становилась искаженной. Это был его вызов.

Он попытался сфокусировать свой страх и проецировать его на сгусток, как на кладбище. Но это было все равно что пытаться напугать ураган. Хаотичная энергия сгустка просто поглощала его направленную эмоцию, как черная дыра поглощает свет. Нужно было иное. Что говорил Звягинцев? «Ваш путь - Колесо Фортуны. Вы видите нити. Ищите шаблон, даже в хаосе. В самой случайности есть паттерны».

Клементий заставил себя остановиться. Не отступать, не бежать (бегство могло привести его с моста в воду в одной из вероятностей), а просто стоять. Он закрыл глаза на физическом плане и полностью отдался астральному зрению. Он видел сгусток как бурлящий, темный узел, от которого во все стороны, как трещины по стеклу, расходились тонкие,

дрожашие нити вероятностей. Каждая нить вела к одному из кошмарных сценариев, которые он видел.

И он понял. Он не может разрушить сгусток. Он слишком слаб. Но он может... перерезать нити. Не все. Те, что тоньше, что только формируются.

Он снова собрал свою психическую энергию, но не в шар паники, а в нечто острое, режущее, лезвие воли. Он представил его как серп, как скальпель. И начал методично, с холодной яростью отчаяния, пересекать те нити вероятностей, что тянулись к нему, которые рождали видения вокруг него.

Лава под ногами погасла. Щупальца перил замерли. Призрак Мирона рассыпался. Это работало! Но это была Сизифова работа. На место перерезанных нитей тут же начинали расти новые, еще более безумные. А сам сгусток, почувяв сопротивление, начал сжиматься, становясь плотнее, темнее. Из его центра стала формироваться одна, толстая, пульсирующая багровая нить. Нить вероятности, в которой... он сам делал шаг назад, отступался, падал с моста и разбивался о камни. Это была уже не проекция. Это было прямое программирование судьбы. Сгусток пытался закрепить эту вероятность как главную.

Клементий почувствовал, как его собственная нога, против воли, дрогнула, сделала полшага назад. Его тело начинало подчиняться навязываемому сценарию! Паника снова накрыла с головой, угрожая смести хрупкую концентрацию. И в этот миг предельной опасности, из глубин памяти, всплы-

ли слова из свитка, те самые сложные символы, значение которых он до конца не понимал, но которые теперь, в контексте пути Колеса Фортуны, обрели смысл. Один из символов означал не «призыв», а «стабилизацию точки выбора». Удержание текущего состояния реальности.

У него не было времени на ритуал. Не было пергамента. Но у него был медальон. Он судорожно выхватил его из кармана, сжал в кулаке так, что резной Глаз впился в ладонь. И мысленно, вкладывая в это все свое существо, всю свою волю к жизни, он визуализировал тот символ. Не как рисунок, а как концепцию. Как якорь. Как точку, вокруг которой вращается колесо, но которая сама неподвижна.

Медальон в его руке вспыхнул. Не светом, а волной абсолютной стабильности. Крошечной, локальной, но невероятно плотной. Это была не его сила. Это была сила, запечатанная в артефакте, которую он сумел на мгновение активировать. Волна прошла через него и рассеялась, но эффект был.

Багровая нить вероятности его падения замерла, стала мутной, как бы потеряв фокус. Давление на его волю ослабло. Сгусток, лишенный на мгновение своей самой мощной атаки, словно смутился, его форма забурлила еще хаотичнее.

И тут Клементий совершил отчаянный поступок. Вместо того чтобы продолжать обороняться, он атаковал. Но не силой. Он собрал воедино не свой страх, а все свои воспоминания о абсолютно обыденном, скучном, стабильном. О черством хлебе на кухне. О скрипе пера по бумаге в конторе. О

скучном голосе учителя, бубнящем в гимназическом классе. О бесконечных, однообразных узорах на обоях в его каморке. Всю серую, предсказуемую, невероятно вероятную ткань своей повседневной жизни. И эту сконцентрированную скуку, этот антипод хаоса, он вонзил прямо в центр сгустка по той самой ослабевшей багровой нити.

Эффект был подобен тому, как если бы в кипящий котел с кислоты вылить ведро ледяной щелочи. Произошел нейтрализующий взрыв в астральном плане.

Сгусток вскрикнул - звуком лопающихся стеклянных пузырей и рвущейся ткани. Его форма развалилась. Темный туман, из которого он состоял, рассеялся, смешавшись с общим молочным маревом. Нить вероятностей исчезли. Давление спало. Мост соединился воедино, и снова стал просто холодным, чугунным мостом в тумане. От существа не осталось и следа. Оно не было убито. Оно было растворено введенной в него чудовищной дозой банальности и предсказуемости, которые были для него ядом.

Клементий оперся о перила, его трясло крупной дрожью. Из носа снова текла кровь, на этот раз почти черная от напряжения. Он чувствовал себя пустым, выжатым. Но в этой пустоте горела искра понимания. Он не просто выжил. Он победил, используя специфику своей силы. Безумец не просто видит хаос. Он может, в определенных пределах, навязывать свой порядок - пусть даже порядок отчаяния, скуки или стабильности - астральным сущностям, питающимся ха-

осом. Его оружие было тоньше и сложнее, чем он думал.

Когда дрожь немного утихла, он заметил, что там, где рассеялся сгусток, на мокрых плитах моста, лежал небольшой предмет. Он поднял его. Это был осколок. Стекловидный, неправильной формы, размером с монету. Внутри него, как в капле смолы, были застыли мерцающие, переливающиеся разводами - сгустки тех самых вероятностных нитей. Астральный конденсат. Побочный продукт распада существа. По описаниям Звягинцева, такие вещи могли быть ценными ингредиентами или фокусами для определенных ритуалов.

Сунув осколок в карман, он побрел домой. Туман начал понемногу рассеиваться. На пороге его ждал взволнованный Мирон.

- Клим! Что с тобой? Ты весь бледный, и... кровь!

- Ничего, - Клементий попытался улыбнуться, но получилась гримаса. - Споткнулся в тумане, упал, носом об мостовую. Бывает.

На этот раз Мирон не поверил. Его взгляд был полон неподдельного страха и чего-то еще - догадки. Но он ничего не сказал, просто помог брату раздеться и принес влажное полотенце.

Той ночью Клементий не мог уснуть. Он лежал и смотрел в потолок, на котором теперь в астральном зрении плавали слабые, умиротворяющие разводы - следы обычной домашней энергии. Он прошел через огонь. Он использовал медальон не просто как ключ, а как инструмент. Он добыл тро-

фей. И он понял главное: его путь - это не путь воина. Это путь манипулятора, стабилизатора и, в каком-то смысле, санитар астрального плана. Он очищал реальность от сгустков хаоса, наводя на них свой собственный, пусть и безумный, порядок.

Утром, прежде чем идти в контору, он завернул к Звягинцеву. Доктор, выслушав сжатый, безэмоциональный отчет, долго молчал, разглядывая через свой лорнет стекловидный осколок.

- Любопытно, - наконец произнес он. - Вы интуитивно применили принцип «антихаоса». И использовали артефакт как катализатор. Это... нестандартно. Рискованно до безумия, но эффективно. - Он положил осколок в маленькую свинцовую шкатулку. - Это зачтется в вашу пользу. И, возможно, станет частью платежа за будущие знания. Поздравляю, господин Морошкин. Вы не просто выжили. Вы подтвердили свою состоятельность как восходящий. Теперь нужно учиться контролировать это. Потому что следующий вызов будет сложнее. И исходить он может не от случайного сгустка в тумане, а от тех, кто наблюдал за вашей маленькой битвой. Охотники обладают тонким нюхом на свежую добычу и... на потенциальную угрозу.

Выйдя из аптеки, Клементий почувствовал не облегчение, а тяжесть новой ответственности. Он перестал быть невидимкой. Он заявил о себе в астральном мире Архангельска. Теперь ему нужно было не только выживать, но и строить

стратегию. И первым шагом в этой стратегии, возможно, было научиться не только защищаться, но и скрываться. Или, наоборот, найти союзников, прежде чем охотники решат, что он созрел для сбора урожая. Игра входила в новую, более опасную фазу.

Глава 5

Стекловидный осколок, запертый в свинцовой шкатулке у Звягинцева, стал первым звеном в новой цепи. Он был не просто трофеем; он был капиталом. Доктор, с его ледяной, учёной прямоотой, объяснил: мир идущих путями Восхождения живет по своим экономическим законам. Золото здесь имело ценность лишь для покупки у спящих книг, ре-агентов или молчания. Настоящей валютой были три вещи: знания (рецепты, ритуалы, локации), артефакты (предметы вроде медальона или порождённые астральным миром, как осколок) и услуги. Существовали даже неформальные биржи и аукционы, обычно маскирующиеся под собрания учёных обществ, салоны спиритов или закрытые клубы коллекционеров редкостей.

- Ваш осколок, - говорил Звягинцев, вертя шкатулку в руках, - представляет интерес для тех, кто идёт по путям, связанным с предсказанием, вероятностью или искажением реальности. «Прорицатели», «Мастера иллюзий», возможно, «Алхимики», ищущие экзотические катализаторы. Его можно обменять. Но делать это в одиночку - всё равно, что выйти на Сенной рынок с мешком золота и кричать о его содержимом. Вас ограбят до того, как вы успеете моргнуть.

Поэтому Клементий согласился на предложение доктора. Тот выступит его агентом на предстоящем небольшом со-

брании - «Вечер любителей северных древностей» в доме отставного полковника Громова. Событие, на которое съедутся местные антиквары и чудаки, но в задних комнатах, за плотными портьерами и под ревом патефона, будет происходить неофициальный обмен среди «проснувшихся» Архангельска. Звягинцев выставит осколок, разузнает, что за него предлагают, и доложит Клементию. Взамен доктор берёт 10% от стоимости сделки в эквиваленте информации или будущих услуг. Условия суровые, но честные по меркам этого подполья.

Пока Звягинцев готовился к аукциону, Клементий сосредоточился на двух вещах: консолидации своей силы и изучении поля боя - то есть города. Упражнения из тетради стали сложнее. Теперь он учился не просто сжимать ауру, а придавать ей форму. Сидя в своей камерке при свече, он часами пытался представить вокруг себя не шар, а нечто вроде кокона из тончайшего астрального шёлка, который не только скрывал его внутренние бури, но и рассеивал, искажал направленный на него астральный взгляд. Первые попытки заканчивались мигренью и носовым кровотечением. Но к концу недели он мог на несколько минут создать подобие таковой защиты. Она была хрупкой, как паутина, но это был прогресс. Он назвал это умение «Покров Безразличия» - вуаль, делающая его астральный след скучным, неинтересным, сливающимся с фоном.

Второй задачей стала разведка. Он начал целенаправлен-

но, под видом долгих прогулок для здоровья (что вызывало недоумение у Мирона), проходить по маршрутам, где ранее видел знаки или чувствовал странные колебания. Его астральное зрение, теперь более тренированное, улавливало детали. Он нашёл ещё три знака «циферблата без стрелок» - все в местах с пересечениями: у старого фонтана на Соборной площади (ныне не работающего), у чугунного вентиляционного колодца близ газового завода и, что было тревожно, на задней стене пивной лавки в двух кварталах от его дома. Знаки были свежими. Кто-то активно метил территорию.

Но самым важным открытием стало нечто иное. Прогуливаясь по набережной в сумерки, он уловил странный, ритмичный рисунок в астральных потоках, исходящих из-за закрытых ворот одного из старых, полузаброшенных пакгаузов. Потоки не были хаотичными, как у духов места, и не были зловещими, как у сгустка. Они были упорядоченными, циклическими, словно дыхание. И они несли слабый, едва уловимый оттенок... медитации. Кто-то внутри целенаправленно работал с астральной энергией.

Осторожность, вбитая в него встречами с охотником и сгустком, заставила не лезть внутрь. Вместо этого он три дня подряд приходил к пакгаузу в разное время, наблюдая. Он заметил, что в полдень и в полночь цикл «дыхания» усиливается. И заметил посетителя: высокую, худую женщину в простом, но добротном чёрном платье и платке, с корзинкой в руках. Она приходила каждый день в одно и то же время,

и её аура была столь же странной, как у Звягинцева, но другой - не сжатой и аналитической, а текучей, изменчивой, с оттенками глубокой синевы и серебра, словно лунный свет на воде. Когда она приближалась к воротам, те на мгновение мерцали в астральном плане - слабая, но искусная иллюзия, скрывающая момент, когда настоящий замок открывался. Восходящий. И, судя по характеру энергии, не враждебный.

Клементий решился на контакт. Не напрямую. Он написал на клочке бумаги простой вопрос, используя символы, подсмотренные им в трактатах Звягинцева и похожие на универсальные «астральные пиктограммы» для нейтрального запроса: «? – Обмен сведениями – Новичок (Безумец)». Он не ставил подписи, не указывал место. На четвёртый день, дождавшись, когда женщина скроется внутри, он подошёл к воротам и сунул записку в почти незаметную щель в косяке.

Ответ пришёл через два дня. Возвращаясь с работы, он обнаружил у двери своей каморки не записку, а маленький, свёрнутый в трубочку кусок бересты. На внутренней стороне, выжженным аккуратным кончиком раскалённой иглы, был нанесён ответ: «Сведения о «Церкви Глаза» - их часовня, ритуалы, цели. Достоверно. Цена: наблюдение за домом купца Морозова (ситценабивная мануфактура) в течение трёх ночей. Отметить перемещения стражей и... иное. Оставьте ответ здесь же. Полуночица.»

Дрожь пробежала по спине. «Церковь Глаза» - фанатики, о которых предупреждал Звягинцев. Информация о них была бесценна для выживания. Но цена... Наблюдать за домом Морозова. Там работала Анфиса. Что означало «иное»? И главное - кто такая «Полуночица»? Союзник, конкурент или приманка? Он не мог спросить Звягинцева - нарушил бы негласное правило независимости и навлечь подозрения в неспособности действовать самому.

После мучительных раздумий он решился. Не из-за храбрости, а из-за холодного расчёта. Ему нужны были собственные источники, не зависящие от учёного. Он выжег на обратной стороне бересты: «Согласен. Начну с завтрашней ночи. Безумец.» И отнёс бересту к щели в пакгаузе.

Наблюдение оказалось испытанием на стойкость и применение новых навыков. Дом купца Морозова был огромным, мрачным особняком за высокой стеной недалеко от фабрики. Первую ночь Клементий провёл, дрожа от холода на крыше соседнего сарая, вглядываясь в двор, освещённый редкими керосиновыми фонарями. Он вёл простые записи: в 23:00 страж (аура - скучное зелёное свечение) обходит двор, в 1:00 смена, новый страж (аура с красноватыми всполохами - выпил) засыпает в будке. Всё было спокойно. Слишком спокойно. Астральный фон вокруг особняка был неестественно приглушён, как если бы кто-то набросил на это место толстое одеяло. Это и было «иное».

На вторую ночь, включив астральное зрение на полную,

он увидел. Одеядло было не метафорой. Это была слабая, но обширная астральная пелена, наброшенная на весь периметр. Она не была враждебной. Она была скрывающей. Что-то внутри маскировало происходившие там астральные выбросы. И это что-то проявлялось около трёх часов ночи. Из чёрного хода выходила невысокая, плотная фигура в длинном плаще (аура - плотная, землисто-коричневая, с вкраплениями твёрдого, как камень, чёрного) и быстро, знающей дорогой, шла к задним воротам, ведущим на закрытый фабричный двор. Человек нёс небольшой, тяжелый на вид ящик. Через полчаса возвращался без него. Это повторялось с пугающей пунктуальностью. Клементий не видел лица, но чувствовал от фигуры исходящую волну спокойной, уверенной силы, иного порядка, чем хаос Безумца или холодный анализ Учёного. Это был кто-то с более высоко, стоящей ступени.

На третью ночь он решился на риск. Когда фигура скрылась за воротами фабрики, Клементий, накинув свой хрупкий «Покров Безразличия», бесшумно спустился и подкрался к задним воротам. Они были приоткрыты. Заглянув в щель, он увидел короткий коридор, ведущий в подвал. Астральная пелена здесь была гуще, но его тренированное зрение различало следы: на каменных ступенях светились слабые отпечатки того же землисто-коричневого свечения. И среди них - крошечные, роняемые будто случайно, крупинки чего-то, что светилось тусклым, нездоровым зелёным светом. Это не была плесень. Это был астральный след, знако-

мый ему по описаниям у Звягинцева - след контакта с определёнными токсичными реагентами или... продуктами распада «проснувшейся» материи. Алхимия. Или что-то похуже.

Он не пошёл дальше. Риск был слишком велик. Он вернулся на крышу, дождался возвращения фигуры и, затаив дыхание, ушёл на рассвете.

Сводный отчёт он написал на новой полоске бумаги, максимально объективно: график охраны, описание астральной пелены, описание фигуры и её действий, характер ауры, описание зелёных крупинок. Он не делал выводов. Пусть «Полуночица» разбирается сама.

Ответ пришёл быстрее, на следующее утро. Береста лежала у двери. Текст был лаконичным: «Данные приняты. Церковь Глаза: их часовня - подвал дома №5 по переулку Глазной (бывшая баня). Ритуалы - по полнолунию, жертва - животные, цель - установление контакта с «Взирающим в Бездну». Остерегайся их собирателей - носят медные нашивки в виде слез. Взаимный долг считается оплаченным. Предложение: информация о «просачивании» у Старой Мельницы на речке Кузнечихе в обмен на помощь в сборе образца. Подумай. Полуночица.»

Информация была взрывной. У него теперь был адрес и расписание врагов. И новое предложение - уже не просто наблюдение, а активные совместные действия. «Просачивание» - термин, означавший слабое, естественное место раз-

лома, откуда могут проникать мелкие сущности или материализовываться астральные материалы. Опасное, но потенциально богатое место.

Вечером того же дня Звягинцев вызвал его к себе. Кабинет-лаборатория пахло озоном и чем-то горьким. Доктор выглядел усталым, но довольным.

- Аукцион состоялся. Ваш осколок вызвал интерес. Было три предложения. Первое: полный рецепт и основной ингредиент для перехода на ступень 8 «Спекулянт» от анонима. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, вероятно, ловушка. Второе: услуга по наложению постоянной маскирующей печати на жилище от представителя «Совета Холода». Ценное, но слишком привлекающее внимание к вам. Третье: информация. - Звягинцев положил перед Клементием плотный конверт. - Конкретная информация о личности и методах одного из активных в городе охотников, того, что пахнет медью и кровью. Его слабость, его маршруты, его алиби в мире спящих. Я посчитал, что это оптимальный выбор. Знание - лучшая защита.

Клементий взял конверт. Бумага была тяжёлой, дорогой. Он почувствовал, как медальон у его груди слегка вибрировал. Это был выбор между силой, защитой и знанием. Звягинцев, как истинный Учёный, выбрал знание. И Клементий, вспоминая тень в переулке, понимал, что доктор, возможно, прав.

- Я согласен, - тихо сказал он.

- Тогда сделка заключена, - Звягинцев кивнул. - Охотника зовут Яков Лысый. Он бывший судебный пристав, ныне наёмник и собиратель «урожая» для неизвестного патрона. Его сила - в скорости и умении становиться «незаметным» для взгляда, не для астрального зрения, а для сознания спящих. Его слабость - ритуальная татуировка на спине, поддерживающая его способности. Повредить её - ослабить его. Вот адрес его конспиративной квартиры и график. Будьте осторожны. Теперь вы для него не просто случайная добыча. Вы - субъект, который вышел на рынок. Это делает вас интереснее и опаснее в его глазах.

Выйдя от Звягинцева, Клементий держал в руках два мощнейших инструмента: информацию о врагах (и Церкви Глаза, и об охотнике) и налаженный канал связи с таинственной «Полуночницей». У него появились активы и обязательства. Он больше не был одиноким, метущимся новичком. Он встроился в хрупкую, опасную экосистему Архангельских проснувшихся.

Теперь ему предстояло самое сложное: проанализировать полученные данные, сопоставить их, выработать стратегию. Стоит ли идти на сделку с Полуночницей? Как использовать информацию об охотнике - для обороны или для... упреждающего удара? И что скрывает дом купца Морозова, куда в ночи таскают ящики?

Он шёл по вечернему городу, и улицы, окутанные морозным паром от дыхания тысяч людей, казались ему уже не чу-

жим лабиринтом, а полем с расставленными фигурами. Он знал расположение некоторых из них. И это знание давало не спокойствие, а новую, более ответственную тревогу. Он перешёл от выживания к игре. И следующий ход должен был быть безупречным.

Глава 6

Информация, полученная от Звягинцева и Полуночницы, лежала в ящике стола, словно разобранный взрывчатка. Каждый факт был отдельной деталью, и от того, как их собрать, зависело - спасёт ли это Клементия или разнесёт вдребезги. Особняк Морозова с его ночными тайнами, часовня Церкви Глаза в подвале бывшей бани, охотник Яков Лысый с его татуировкой-уязвимостью - всё это крутилось в голове, создавая сложную, пугающую мозаику.

Решение пришло извне, подтолкнутое обыденностью. Анфиса вернулась с фабрики позже обычного, с запавшими глазами и необычайно тихая. За ужином она едва ковыряла ложкой в миске со щами.

- Что случилось? - спросил Мирон, его аура вспыхнула оранжевыми искрами тревоги.

- Ничего особенного, - пробормотала Анфиса, но её собственная аура, обычно устойчивого, усталого серо-голубого оттенка, была испещрена рваными фиолетовыми полосами страха и... отвращения. - На фабрике... старуху Марфу, ту, что у станков чистила, нашли сегодня утром. Не в себе. Что-то бормотала про «глаза в стенах» и «шёпот из труб». Повезли в губернскую больницу, в отделение для умалишённых.

Лёд пробежал по спине Клементия. «Глаза в стенах». Это было слишком близко к символу Церкви Глаза. Болезнь?

Или... последствия близости к разлому, к «просачиванию» чего-то, что затрагивало и спящих? Фабрика Морозова граничила с его особняком. Если там, в подвале, происходило что-то, связанное с астральными экспериментами, это могло отравлять окружающее пространство.

Это перевесило чашу весов. Он не мог ждать, пока безумие с фабрики перекинется на его сестру или других невинных. Нужно было действовать. Но идти в лобовую атаку на часовню фанатиков или на особняк купца было самоубийством. Оставался охотник. Яков Лысый. Угроза прямая, личная, и против неё у Клементия теперь было специфическое оружие - знание.

В течение двух дней он вёл двойную жизнь. Днём он, используя данные Звягинцева, отслеживал Якова. Тот оказался мастером конспирации в мире спящих. Он снимал комнату в дешёвой гостинице «Северная» у вокзала, работал грузчиком в порту (идеальная маскировка для физической силы и перемещений), а по вечерам посещал трактир «У Гаврилы», где пил один в углу, ни с кем не общаясь. Его аура, которую Клементий осторожно сканировал с расстояния, была именно такой - сгустком тусклой меди и ржаво-багровых пятен, окружённым странной, размытой дымкой. Эта дымка и была, вероятно, его способностью - «невниманием» окружающих. Люди подсознательно избегали смотреть на него прямо, отводили взгляд.

Ночью же Клементий готовился. Не к бою - к прямому

столкновению он был не готов. Он готовился к нарушению ритуала. Согласно досье, сила Якова была привязана к сложной татуировке-пентаклю на спине, которую тот ежедневно, перед сном, «подзаряжал» особым ритуалом с использованием свечей, собственной крови и порошка из костей... чего-то. Если прервать этот ритуал, особенно в момент нанесения крови, можно было вызвать обратную связь, ослабив охотника на несколько часов, а то и дней.

План был рискованным до безрассудства. Нужно было проникнуть в гостиничный номер Якова, дожидаться начала ритуала и вмешаться в самый критический момент. Для этого требовались не боевые навыки, а именно умения Безумца: скрытность, искажение восприятия и тонкое воздействие.

На третью ночь, когда туман снова спустился на город, став союзником для того, кто учился в нём видеть, Клементий приступил к действию. Он надел тёмное, ничем не пахнущее платье (стиранное с золой), лицо закрыл повязкой. В карманах - горсть медных гвоздей (для нарушения симметрии, сбивания ритуальных кругов), флакон с солёной водой (простая, но эффективная помеха для кровавых ритуалов) и главное - весь свой хрупкий, но отточенный «Покров Безразличия».

Гостиница «Северная» была старым трёхэтажным зданием с гнилыми полами. Яков снимал комнату на самом верху, под скатом крыши. Клементий, используя свою способность видеть астральные следы, обошёл здание и нашёл пожарную

лестницу, чьи астральные «отпечатки» были свежими - сам Яков, видимо, пользовался ею для незаметного входа-выхода. Лестница скрипела жутко, но туман приглушал звук.

Он поднялся до уровня чердачного окна, которое, согласно плану здания, купленному у мальчишки-разносчика, вело в подсобку рядом с номером охотника. Окно было забито, но один угол рамы сгнил настолько, что поддался отчаянному усилию. Проникнув внутрь, в крошечную тьму, насыщенную запахом мышей и пыли, он замер. Его астральное зрение показало ему мир в оттенках серого. Здесь, в плотной материи старого дерева и кирпича, потоки были слабыми. Но из-за тонкой перегородки доносилось мерцание. Ритмичное, тёмно-багровое мерцание. Яков был дома и уже начинал подготовку.

Клементий нашёл в перегородке щель - след от выпавшего сучка. Прильнув к ней, он увидел.

Комната была почти пуста: койка, стол, стул. На полу, в центре комнаты, Яков мелом выводил сложную геометрическую фигуру - пентаграмму с вписанными символами, от которых веяло холодом и голодом. Сам охотник был бос, с голым торсом. Его спина, обращённая к щели, была покрыта татуировкой невероятной сложности. Это был не просто рисунок, а астральная схема, выжженная на плоти. Она изображала стилизованную хищную птицу с расплывшимися крыльями, чьи перья были составлены из рун, а глаза - из медных монет. Татуировка слабо светилась, впитывая тусклый

свет единственной чёрной свечи.

Яков начал монотонно бубнить, на непонятном гортанном наречии. Он взял со стола короткий, кривой нож (аура ножа была откровенно зловещей, с зелёными прожилками) и, не прерывая бормотания, провёл лезвием по ладони. Тёмная, почти чёрная в астральном свете кровь закапала в небольшую чашу в центре пентаграммы. Свеча вспыхнула ярче. Татуировка на спине ожила - медные «глаза» птицы замигали, а руны-перья зашевелились, словно на ветру. Ритуал набирал силу.

Сейчас, - пронеслось в голове Клементия. Это был момент, когда астральные каналы были максимально открыты, но ещё не стабилизированы. Любое вмешательство вызовет хаотичный откат.

Он не стал врываться. Он применил первую способность - вмешательство в восприятие. Собрав в комок всё своё представление о внезапной, полной потери концентрации (вспоминания о том, как он сам терял нить мысли во время упражнений), он пронзительно, как иглой, вонзил этот ментальный образ сквозь щель прямо в поле ритуала, целясь не в Якова, а в мерцающую чашу с кровью.

В физическом мире ничего не произошло. Но в астральном - случился сбой. Ровное бормотание Якова споткнулось. Его взгляд, прикованный к чаше, на миг расфокусировался. Ритм нарушился. Свеча дёрнулась. И в этот миг Клементий применил второе действие. Он швырнул через щель один из

медных гвоздей. Не в Якова. На пол, в самый край мелового круга, нарушая его геометрическую чистоту.

Звук падения гвоздя был тихим, но в наступившей тишине сбоя он прозвучал как выстрел. Яков резко обернулся, его глаза, обычные, серые, но полные внезапной ярости и паники, уставились в темноту, где была щель. Но он ничего не увидел - «Покров Безразличия» Клементия работал, делая его присутствие скучным, незначительным пятном на фоне.

Однако ритуал был уже повреждён. Недостаточно. Чаша с кровью ещё стояла, татуировка светилась, хоть и неровно. Яков, ругаясь, потянулся к чаше, видимо, чтобы попытаться стабилизировать процесс.

И тогда Клементий пошёл ва-банк. У него оставался флакон с солёной водой. Солёная вода - классический, грубый, но эффективный разрывщик астральных связей, особенно тех, что завязаны на кровь и металл (медь). Он не стал бросать флакон. Он резко дёрнул свою ауру, сбросив «Покров» и вместо этого сфокусировав всё своё сознание на одном, простейшем астральном трюке, который подсмотрел у Звягинцева - микро-телекинез, способность сдвинуть лёгкий предмет на крошечное расстояние. Он направил этот импульс не на флакон у себя в руке, а... на стеклянную чернильницу, стоявшую на столе Якова. Пустая, лёгкая.

Чернильница дёрнулась, упала со стола и разбилась о пол с громким, звонким треском. Это был отвлекающий манёвр. Яков инстинктивно дёрнулся к источнику звука, отворачи-

ваясь от чаши. И в этот миг, когда его внимание и астральная защита были на мгновение ослаблены и переориентированы, Клементий отодвинул доску и швырнул флакон с солёной водой. Он не целился в Якова. Он целился в чашу.

Флакон разбился о край чаши. Солёная вода брызнула, смешавшись с кровью.

Эффект был мгновенным и ужасным.

Чаша с шипением взорвалась не пламенем, а сгустком искажённой, багровой астральной энергии. Татуировка на спине Якова вспыхнула ослепительным, болезненным медным светом, а затем пошла трещинами, как перегретое стекло. Яков издал нечеловеческий, хриплый вопль, схватился за спину, будто его ошпарили кипятком, и рухнул на колени. Медный свет погас, сменившись хаотичными, рваными всполохами боли и гнева в его ауре. Его способность, его связь с силой, была жестоко оборвана. Он не был уничтожен. Он был кастрирован как охотник, по крайней мере, на ближайшее время.

Клементий не стал ждать. Он отполз от щели, задыхаясь от адреналина и головной боли, пролез обратно через чердачное окно и, не помня себя, спустился по шаткой лестнице. Он бежал по туманным улицам, не оглядываясь, чувствуя, как с каждым шагом его собственная аура колышется, грозя развалиться от перенапряжения.

Дома, в своей каморке, он сидел, обхватив голову руками. Из носа и ушей сочилась кровь, на этот раз более обильно.

Он чувствовал опустошение и странную, ледяную пустоту. Он сделал это. Он атаковал первым. Не монстра, а человека. Пусть и человека-охотника, несущего смерть таким, как он. Этика этого мира была мутной и жестокой. Он не чувствовал триумфа. Он чувствовал лишь тяжесть содеянного и леденящий страх перед ответом. Яков Лысый выжил. И теперь у него был личный, кровный счёт к некоему «Безумцу».

Но был и другой результат. Ночное безобразие в гостинице «Северная», крики, запах гари и серы, не могло остаться незамеченным. Утром городские газеты вышли с кричащими заголовками: «Мистический взрыв в гостинице! Подозревают сектантов!» и «Полиция ищет свидетелей по делу о порче имущества с применением колдовских средств!». Внимание властей и обывателей было привлечено к странным, необъяснимым происшествиям. Это создавало давление на всё подполье, включая Церковь Глаза и тайны особняка Морозова.

Клементий понял, что своими действиями он не просто защитился. Он качнул лодку. Он внёс хаос в расстановку сил. Теперь все игроки будут нервничать, оглядываться, возможно, совершать ошибки. А в хаосе, как он начинал понимать, Безумец мог найти свои возможности. Следующим шагом должна была стать разведка часовни - пока фанатики были на взводе из-за полицейской шумихи, но до того, как они оправятся и усилят охрану. И для этого, возможно, стоило рискнуть и принять предложение Полуночницы о

совместной вылазке к «просачиванию» у Старой Мельницы. Ему нужны были не только информация, но и союзник, пусть временный и ненадёжный. В одиночку он долго не продержатся.

Он посмотрел на свои дрожащие, запачканные запекшейся кровью руки. Они всё ещё были руками писца. Но теперь они были и руками диверсанта, нарушителя ритуалов, того, кто бросил вызов тёмным силам этого города. Цена была высока, и счёт только начинался.

Глава 7

Последствия взрыва в «Северной» висели в воздухе Архангельска, как запах гари после пожара. Полиция, вялая и коррумпированная, больше беспокоилась о раздувании дела для отчётов и вымогательства взяток с владельцев гостиниц, чем о поиске истины. Но в подполье восходящих это вызвало сейсмический толчок. Кем-то нарушено главное правило - скрытность. Силы, привлечённые к гостинице, могли нечаянно наткнуться на другие нити - на часовню, на тайны Морозова. Все теперь нервничали, как крысы в трюме, учуявшие кота.

Клементий ощущал это на собственной шкуре. Его «Покров Безразличия», усердно оттачиваемый, теперь приходилось держать включённым почти постоянно. По улицам шарили не только городовые, но и чужие, пристальные взгляды в астральном плане. Кто-то из «Совета Холода»? Агенты «Церкви Глаза»? Или просто параноидальные одиночки вроде него? Он чувствовал себя мишенью в тире, где стрелки ещё не решили, по кому палить первыми.

В такой обстановке предложение Полуночницы о совместной вылазке к «просачиванию» выглядело уже не просто сделкой, а попыткой выживания в стае. Ему нужен был глаз за спиной, пусть и принадлежащий таинственной незнакомке. Он выжег на бересте краткое: «Согласен. Место и время?»

- Б.» и сунул в щель пакгауза.

Ответ пришёл необычным путём. На следующий день, в полдень, к нему в контору подошёл мальчик-посыльный, засаленный и веснушчатый.

- Вам, гражданин, - буркнул он, сунув в руку Клементия грязный конверт, и юркнул прочь, прежде чем тот успел что-то спросить.

В конверте лежал не привычный от Полуночницы берестяной листок, а обычная визитная карточка с гравировкой: «Инженер-механик П.В. Сомов. Приёмные часы: с 16 до 18. Адрес: наб. Кузнечихи, дом 17, флигель.» На обороте карандашом было нацарапано: «Завтра, 23:00. У старой мельницы. Приходите. П.»

П. Полуночница. Или её прикрытие. Адрес был в районе реки Кузнечихи, как раз близ Старой Мельницы. Это была игра на её поле. Риск. Но отступить было поздно.

Весь день Клементий готовился, насколько мог. Он наполнил карманы мелочью - медяки могли служить грубыми астральными «громоотводами» или просто отвлекать. Взял с собой фонарь с тёмно-зелёным стеклом, чтобы свет не привлекал внимания. И главное - он потратил вечер на создание простейшего астрального маячка. По наводке Звягинцева (доктор, кажется, догадывался о его новых контактах, но не лез), он взял свой медальон и, сфокусировавшись, «привязал» к нему слабый, повторяющийся импульс своей личной ауры. Если что-то случится, и он потеряет сознание или

будет унесён, этот маячок, действующий несколько часов, мог указать направление. Примитивно, но лучше, чем ничего.

Старая мельница на речке Кузнечихе была давно заброшена. Её огромное, покосившееся колесо, когда-то вращаемое силой воды, теперь напоминало скелет гигантской ловушки для снов. Ночью, под низким, тяжёлым небом, это место казалось вымершим. Воздух пах прелой соломой, тиной и тем особенным холодом, что идёт от долго стоячей воды. Астральный фон был... нервным. Не враждебным, а нестабильным, как поверхность воды перед бурей. Потоки энергии здесь не текли плавно, а петляли, образуя странные, спонтанные вихри. Это и было «просачивание» - место, где ткань реальности была тоньше.

Клементий пришёл заранее, за полчаса. Спрятавшись в тени полуразрушенной плотины, он включил астральное зрение. И замер. Перед мельницей, в воздухе, висели три... дыры. Они не были физическими. Это были разрывы в астральной ткани, похожие на масляные радужные плёнки на воде. Каждая была размером с тарелку, и из них сочилось наружу нечто. Из первой капали капли света, которые, падая на землю, гасли с тихим шипением, оставляя после себя запах озона. Из второй струился холодный, сизый туман, оседающий инеем на камнях. Из третьей - самой тревожащей - выползали и тут же растворялись в воздухе крошечные, призрачные тени, похожие на искажённых насекомых или чер-

вей. Они не были существами - это были концепции, обрывки чужих снов или эмоций из-за Завесы.

Рядом с этими «дырами» на берегу уже стояла фигура. Высокая, прямая, в тёмном практичном плаще и кепке, из-под которой выбивались пряди светлых, почти серебристых волос. Полуночица. Её аура вблизи была ещё более впечатляющей - глубокой, многослойной, переливающейся оттенками ночного неба и лунной дорожки. Она не была статичной; она медленно пульсировала, как спокойное море. В руках она держала нечто вроде астролябии, но сделанной из тёмного дерева и серебра, и внимательно смотрела на прибор, а не на дыры.

Клементий вышел из тени. Женщина повернула голову. Её лицо было неожиданно молодым, лет двадцати пяти, с резкими, почти суровыми чертами и большими, очень светлыми глазами, которые казались слепыми в темноте, но он чувствовал, что они видят гораздо больше его.

- Безумец, - сказала она голосом низким, без эмоций, словно констатируя факт. - Я - Полуночица. Формально - «Лунная Скиталица», Этап восхождения 8. Мой путь - «Тропа Сновидца». Вижу разломы, путешествую по краям снов и собираю... осадки реальности. - Она кивнула на дыры. - Это место нестабильно. Три точки выхода. Минимальная, но постоянная утечка. Наша задача - собрать образцы утечки с каждой точки. Для этого нужна синхронность. Я буду стабилизировать разломы ритуалом на несколько минут. Вы, с ва-

шим восприятием, должны будете в этот момент взять пробы. - Она протянула ему четыре небольших свинцовых цилиндра с закручивающимися крышками. - Не прикасайтесь к изливающемуся веществу кожей. Используйте цилиндры как ловушки.

Клементий взял цилиндры. Они были холодными и тяжелыми.

- Почему я? - спросил он. - Вы явно справились бы сами.

- Стабилизация требует концентрации. В этот момент я уязвима для того, что может вывалиться из разлома помимо запланированного. Ваша роль - быть стражем и сборщиком. Кроме того, - её губы тронул едва уловимый намёк на что-то, кроме ледяной серьёзности, - вы уже доказали, что умеете вносить... творческий беспорядок. Это может пригодиться.

Она не стала тратить время на дальнейшие объяснения. Достав из сумки несколько серебряных штифтов и моток тонкой, мерцающей нити (астральный проводник), Полночица начала методично размечать на земле круг, окружающий все три дыры. Её движения были точными, выверенными, без суеты. Клементий наблюдал, и его астральное зрение показывало, как каждый воткнутый штифт и натянутая нить создают в пространстве тонкую, упорядочивающую сетку, которая начинала давить на хаотичные вихри, заставляя их замедляться.

Когда круг был замкнут, Полночица встала в его центр. Она подняла руки, и её аура вспыхнула ярким, холодным се-

ребром. Она заговорила на языке, напоминавшем шелест листьев и звон хрусталя - язык снов и лунного света. Воздух вокруг дрогнул. Три «дыры» в астральной ткани замерли. Поток из них не прекратился, но стал ровным, предсказуемым, как вода из крана.

- Теперь, - её голос прозвучал напряжённо, но чётко. - По порядку. Первые два - световые капли. Быстро.

Клементий подскочил к первой дыре. Капли чистого астрального света теперь падали с регулярным интервалом. Он ловко подставил под струю открытый цилиндр. Капли, попадая в свинец, гасли с тихим пением, оставляя внутри цилиндра слабое, теплое свечение. Через несколько секунд оба цилиндра были наполнены, и он закрутил крышку.

- Потом - туман холода.

У второй дыры он собрал конденсирующийся сизый иней. Он струшивал его с невидимой «кромки» разлома прямо в цилиндр. Тот покрылся изнутри ледяными узорами.

- И на последок - тени. Будь осторожнее. Лови их в момент материализации.

Третья дыра была самой опасной. Призрачные тени-насекомые теперь появлялись не хаотично, а одна за другой. Клементий, с фокусированным вниманием, ловил их цилиндром, как сачком. Каждая тень, попадая в свинец, издавала неслышимый писк и рассыпалась в чёрный порошок. Всё шло по плану.

И тут его астральное зрение, всегда бдительное, уловило

аномалию. Не в разломах, а за кругом. В тени самой мельницы, там, где раньше была лишь пустота, появилась аура. Знакомая, землисто-коричневая, с твёрдыми чёрными вкраплениями. Та самая, что он видел у особняка Морозова. Человек с ящиком. Он стоял неподвижно, наблюдая. Ждал.

Клементий почувствовал, как леденеет кровь. Они были не одни. Их выследили.

- За нами... - начал он, но не успел закончить.

Человек из тени сделал шаг вперёд. Он был невысок, коренаст, одет в рабочую одежду кузнеца или литейщика. Его лицо было грубым, бесстрастным. В руках он держал не ящик, а странный инструмент - нечто вроде жезла из тёмного, полированного камня.

- «Уплотнитель», - сквозь зубы произнесла Полуночница, не прерывая ритуала, но её голос дрогнул. – Восходящий по... пути Земли и Формы. Он может... уплотнять астральную материю. Делать временное постоянным. И наоборот.

Незнакомец поднял жезл. Он не атаковал их. Он направил его на круг стабилизации, созданный Полуночницей.

- Прекратите, - сказал он хриплым, лишённым интонаций голосом. - Это место находится под наблюдением. Образцы принадлежат Хозяину.

Его жезл вспыхнул тусклым, землистым светом. И сеть из серебряных нитей, натянутая Полуночницей, застыла, стала видимой физически, а затем начала... кристаллизоваться, превращаясь в хрупкую, каменную структуру. Ритуал стаби-

лизации ломался изнутри. Три астральные дыры дрогнули, и из них хлынуло неконтролируемое, хаотичное извержение. Световые капли превратились в слепящие вспышки, туман - в ледяной ураган, тени - в рой шипящих, полуматериальных тварей, которые стали метаться по кругу.

- Держись! - крикнула Полуночница, её аура сжалась в защитный кокон. - Он хочет, чтобы разломы разбушевались и поглотили нас! Или вынудили бежать, бросив образцы!

Клементий действовал на инстинктах. «Уплотнитель» был врагом, но его атака была направлена на ритуал, создавая хаос. И в этом хаосе сила Безумца могла быть неожиданным ключом. Он не стал пытаться атаковать уплотнителя напрямую - тот был явно сильнее и защищён. Вместо этого он сфокусировался на самом хаосе.

Он увидел, как три типа извергающейся энергии - свет, холод, тени - сталкиваются, создавая взрывную нестабильность. И он направил свою силу не на их подавление, а на усиление диссонанса между ними. Он взял своё восприятие чудовищной, неестественной скрежещущей дисгармонии (воспоминания о звуках ломающегося металла, криках умирающих животных на бойне, какофонии фабричных гудков) и впрыснул эту концепцию прямо в эпицентр столкновения трёх потоков.

Эффект был подобен броску горсти песка в сложный механизм. Хаотичные, но всё же природные энергии разломов, столкнувшись с абсурдным, «техногенным» диссонан-

сом, взорвались не с увеличением силы, а с полной дезориентацией. Слепящий свет погас, сменившись тусклым, большим свечением. Ледяной ураган закрутился на месте, замораживая сам себя. Рой теней начал атаковать друг друга.

Это был не контроль. Это было доведение хаоса до абсурда, до самоуничтожения. Но это дало передышку.

Уплотнитель, наблюдавший за этим, нахмурился. Его бесстрастное лицо выразило лёгкое недоумение. Его метод - упорядочивание и контроль - столкнулся с чем-то принципиально иным. В его тактике возникла брешь.

Этим воспользовалась Полуночица. Её ритуал был разрушен, но её личная сила нет. Она резко сменила тактику. Вместо стабилизации разломов, она направила свою силу, силу лунного света и снов, не на уплотнителя, а на землю под его ногами. Она не атаковала его тело. Она атаковала его связь с реальностью, на которую он опирался.

Камень под ногами уплотнителя стал... зыбким. Не мягким, а неопределённым, как поверхность воды в тёмной ночи. Его уверенная стойка пошатнулась. Он инстинктивно опустил жезл, пытаясь «уплотнить» землю под собой, чтобы восстановить опору.

- Бежим! Сейчас! - Полуночица схватила Клементия за рукав и рванула от мельницы, в сторону густого папоротника у реки.

Клементий, не раздумывая, побежал за ней, сжимая в одной руке три драгоценных свинцовых цилиндра, а другой,

нащупывая в кармане медальон-маячок. Они влетели в чашу, ветки хлестали по лицам. Сзади раздался не крик ярости, а низкое, гудящее ворчание - звук раздражённой, но не побеждённой силы. Уплотнитель не стал преследовать. Он отстоял территорию. Образцы, которые они собрали, были лишь малой частью утечки. Главное - он их видел. И он знал, с кем имеет дело.

Они бежали, пока не выбежали на глухую просёлочную дорогу в паре вёрст от мельницы. Только там остановились, тяжело дыша. Туман от их дыхания клубился в холодном воздухе.

- Спасибо, - выдохнула Полночица, её ледяной тон наконец дал трещину, обнажив усталость. - Твой метод... отвратителен. Но эффективен. - Она посмотрела на цилиндры в его руках. - Добыча есть. Делим пополам. Один свет и холод - мне. Один свет и тени - тебе. Они могут пригодиться для... творческого беспорядка. - Она взяла два цилиндра. - Теперь мы в долгу не только информационно. Ты спас мой ритуал и, возможно, больше. Хозяин, за которым стоит тот уплотнитель... это большая сила в городе. Теперь они знают о нас. Будь осторожнее, чем когда-либо.

Она кивнула и растворилась в ночи, двигаясь с неестественной, скользкой быстротой, оставляя за собой лишь слабый лунный след в астрале.

Клементий стоял один на пустынной дороге, сжимая тёплый цилиндр со светом и холодный - с чёрным порошком из

тений. Он был измотан, его голова раскалывалась. Но внутри горело холодное пламя. Он не просто собрал образцы. Он прошёл боевое крещение в совместной операции, столкнулся с новой, могущественной силой («Хозяин») и выжил. Он стал игроком, с которым начинают считаться, которого атакуют и которому предлагают союз.

У него теперь были ресурсы (образцы), обязательства (перед Полуночицей) и новый, могущественный враг. Игра вступала в среднюю стадию. Следующий ход должен был быть не импульсивным, а продуманным. Возможно, пришло время собрать все нити - от Звягинцева, от Полуночицы, от его собственных наблюдений - и попытаться понять общую картину. Что за «Хозяин» контролирует точку просачивания? Как это связано с Церковью Глаза и безумием на фабрике? И где во всём этом его место - не как пешки, а как фигуры, способной менять правила? Ответы ждали его в свинцовых цилиндрах, в старых книгах и в тёмных водах Архангельских тайн.

Глава 8

Цилиндр с белым светом у Клементия выкупил Звягинцев, плюс добавил небольшую сумму в счёт будущих доходов. Получилось неплохо. Климентий не скрывал, на что ему нужны деньги. Дальше по улице от доходного дома в котором они снимали комнаты, освободился небольшой домик (кухня и три комнаты) в глубине двора, не слишком заметный среди деревьев. По оплате он выходил не намного дороже, чем они платили Прасковье Федотовне, поэтому погасив ей долг за два месяца, они собрали весь свой нехитрый скарб, и перебрались в отдельный дом.

Цилиндр с чёрным порошком теней стоял на столе в комнате Клементия, рядом с потёртым корешком латинского словаря. Он не решался его открывать. Этот порошок был материализованной аберрацией, осколком чужих кошмаров, просочившимся сквозь разлом. По наводке Звягинцева, через двусмысленные намёки в переписке («сущности эфирного плана, подверженные фиксации при контакте с проводящей средой»), Климентий понял, что подобные материалы используются в ритуалах иллюзий, проклятий или для создания временных астральных ловушек. Ценный, но опасный актив. Хранить его дома рядом с Мироном было безрассудством.

Эта мысль, как и воспоминание о землисто-коричневой

ауре Уплотнителя, заставляла его чувствовать уязвимость своих «корней». Его дом, его семья - были слабым местом, ахиллесовой пятой в мире, где враги могли прийти не только в виде монстров, но и в облике судебного пристава, пожарного инспектора, или просто бандитов, подосланных «Хозяином». Нужна была не только личная сила, но и защита для своих.

Именно с этой просьбой он пришёл к Звягинцеву на следующий день после встречи с Уплотнителем. Доктор выслушал его, не перебивая, протирая линзы своего астрального лорнета кусочком замши.

- Защита жилища, - произнёс он наконец, - это комплексная задача. Физическую охрану можете обеспечить только вы, через связи в мире спящих - наняв сторожа, укрепив двери. Но это против людей. Против внимания восходящих... нужны иные меры.

Он повернулся к полкам, уставленным склянками.

- Существуют пассивные барьеры. Обереги, отводящие случайный взгляд, делающие дом «неинтересным», подобно вашему «Покрову», но постоянные. Для их создания нужны ингредиенты. Часть у меня есть. Часть... - он посмотрел на Клементия, - вам придётся добыть самостоятельно. Это будет вашим вкладом и обучением. В частности, для основы барьера нужна «кожа, забывшая жизнь» - фрагмент естественно мумифицированной кожи, желательно с места силы. Такие иногда находят на старых кладбищах, в склепах. И

второй компонент - «пепел отождѣнного внимания» - продукт сжигания определённого типа астрально-активной бумаги, на которой были записаны, а затем стёрты сильные тайны. Первое - вопрос поиска и смелости. Второе... у меня есть клиент, который может таким пеплом располагать. Но он просит взамен не денег, а услуги.

- Какую? - спросил Клементий, чувствуя, как попадает в очередную цепь обменов.

- Он коллекционирует... своеобразные автографы. Не подписи, а астральные отпечатки уникальных существ или событий. Его интересует отпечаток того хаоса, который вы вызвали в гостинице «Северная». Остаточный след вашего вмешательства в ритуал охотника. Его можно запечатлеть и сохранить вот в таком цилиндре, и протянул ему уже знакомый свинцовый цилиндр.

Клементий сглотнул. Это значило вернуться на место преступления, которое, возможно, ещё находилось под наблюдением полиции или других восходящих.

- Это опасно.

- Всё в нашем мире опасно, - равнодушно констатировал Звягинцев. - Но без риска нет прогресса. Соберите отпечаток. Принесите мне. Я оформлю обмен. А пока... вот карта старого Иоанно-Предтеченского кладбища. Я отметил три склепа XVIII века, где условия могли способствовать естественной мумификации. Ищите. Будьте осторожны со «спящими» стражами - духами места, они там должны быть силь-

нее, чем на перекрёстке.

Таким образом, вечер застал Клементия снова на кладбище, но на сей раз - с конкретной целью. Карта Звягинцева была подробной, с пометками на латыни. Он выбрал склеп семейства Богдановых - купцов-судовладельцев, чья усыпальница, по слухам, была заброшена после того, как род пресёкся. Склонённые ели отбрасывали густые тени, а полная луна (опять она) бросала на землю резкие, чёрно-белые узоры.

Склеп представлял собой небольшую каменную постройку с тяжёлой железной дверью, заваленной снаружи хворостом и опавшими листьями. Аура места была тяжёлой, спокойной, как вода в глубоком колодце, но в ней плавали сгустки более тёмного, почти чёрного свечения - следы давней, укоренившейся печали. Духи здесь не проявляли агрессии; они были пассивными хранителями, частью самого пейзажа.

Дверь поддалась после долгих усилий с ломом. Внутри пахло сыростью, пылью и сладковатым запахом тлена, смешанным с ароматом кипариса от рассыпавшихся веточек, брошенных когда-то давно. В лунном свете, падающем через дверной проём, стояли три каменных саркофага. Клементий зажёл зелёный фонарь. Его астральное зрение показало, что от саркофагов исходит слабое, серебристое свечение - нейтральное, угасающее. Но в углу склепа, за самым дальним саркофагом, он увидел иное: пятно тёмно-охристого, почти коричневого свечения, лишённого всякой эфемерности. Оно было плотным, материальным даже в астрале. «Кожа, забыв-

шая жизнь».

Осторожно подобравшись, он увидел то, что искал. В нише, защищённой от влаги и насекомых, лежали обрывки погребального облачения, а под ними - несколько кусочков пергаментной, сухой, но прочной кожи. Не просто высохшей, а именно превратившейся в другой материал, потерявшей всякую связь с живым существом. Он аккуратно, с помощью пинцета, взял самый большой фрагмент, размером с ладонь, и положил в подготовленный холщовый мешочек, посыпанный внутри солью и высушенными травами полыни.

Задание было выполнено почти без происшествий. Почти. Выйдя из склепа, он почувствовал, как из тени старой часовни на него упал взгляд. Не астральный. Обычный, человеческий, но полный такого напряжённого, хищного внимания, что по спине пробежали мурашки. Он резко обернулся, но увидел лишь мелькнувший край чёрного плаща и услышал тихий, быстрый шаг, удаляющийся вглубь кладбищенских аллей. Не Уплотнитель. Другая аура - острая, колючая, пахнущая медью, кровью и... теперь ещё и старой кожей. Охотник. Но не Яков. Другой. И он явно не просто так прогуливался среди могил.

Преследовать было безумием. Схватив мешочек, Клементий быстро, но не бегом, покинул кладбище, постоянно оглядываясь. Он не видел никого, но чувствовал взгляд между лопаток до самых ворот.

На следующий день он должен был выполнить вторую

часть - добыть астральный отпечаток из «Северной». Он выбрал время ближе к полудню, когда уличное движение максимально. Гостиница выглядела закрытой, на дверях висел полицейский шнур. Обойдя здание, он нашёл подсобный выход. Дверь была заколочена грубо, одной доской. Оглядевшись, он выдернул гвоздь (сила, которая начала расти в теле после открытия дара, оказалась кстати), проскользнул внутрь и через приоткрытую дверь задвинул доску на место.

Внутри царил беспорядок и стоял запах гари. Поднялся на верхний этаж, вышел в пустой коридор. Комната Якова была опечатана, но печать сорвана - кто-то уже побывал здесь. Полиция? Другие охотники? Клементий не стал заходить. Ему нужно было не физическое свидетельство, а астральный след. Он прошёл мимо, и через маленькую дверцу выбрался на чердак, встал напротив стены, где когда-то лежал, прильнув к щели. Закрыв глаза, он отпустил «Покров» и полностью открыл своё восприятие, настроив его не на текущие потоки, а на эхо.

Это был новый, мучительный навык. Он пытался уловить не то, что есть, а то, что было - отпечаток сильного астрального события. Головная боль нарастала мгновенно. В ушах зазвенело. Но постепенно, словно проявляясь на фотопластинке, в астральном пространстве комнаты начали проступать контуры прошлого: искажённая, разорванная меловая окружность, клубящееся багровое облако от взорвавшейся чаши, рваные, болезненные вспышки - следы мучений Яко-

ва. И среди всего этого - слабый, но характерный отпечаток его собственного вмешательства. Он был похож на завиток дыма, состоящий из мелких, острых символов дисгармонии и статики, вплетённый в ткань хаоса. Этот отпечаток не имел силы. Он был лишь «подписью», уникальным паттерном того, как именно он, Клементий-Безумец, исказил реальность в этом месте.

Собрав всю волю, он «сфотографировал» этот паттерн в своём сознании, а затем, используя пустой свинцовый цилиндр как сосуд, мысленно перелил туманной дымкой это воспоминание-отпечаток внутрь, запечатав крышкой. Цилиндр стал слегка тёплым и начал издавать едва слышное, раздражающее гудение. Готово.

Он выбрался с чердака, идя по коридору мимо комнаты Якова уже собирался уходить, когда его взгляд упал на пол у его двери. Там, среди пыли и осколков, валялся небольшой предмет, который он не заметил раньше. Медная пуговица, но не простая. На ней был вычеканен тот самый символ: глаз в треугольнике, но с дополнительной деталью - из уголка глаза стекала стилизованная слеза. Тот самый знак собирателей Церкви Глаза, о котором писала Полуночица.

Лёд сковал его. Значит, Яков был не просто вольным охотником. Он был связан с Церковью. Или, по крайней мере, имел с ними контакт. Его внимание к Клементию могло быть не случайной охотой, а целенаправленной акцией. А его нейтрализация... могла сделать Клементия главной мишенью

для мести фанатиков.

Он поднял пуговицу, сунул в карман рядом с тёплым цилиндром, и поспешно ретировался.

Встреча с коллекционером прошла на нейтральной территории - в читальном зале Губернской публичной библиотеки, в самом дальнем и пыльном углу, среди фолиантов по церковному праву. Коллекционер оказался тщедушным, болезненного вида мужчиной в очках с толстыми линзами. Его аура была странной - не яркой, но невероятно жадной, она тянулась тонкими щупальцами к любому предмету, несущему хоть крупицу истории или тайны. Он представился как Аристарх Евгеньевич, антиквар. Не сказав ни слова, он взял у Клементия цилиндр, приложил к виску, закрыл глаза на несколько секунд, и на его лице появилось выражение почти чувственного наслаждения.

- Да... да... интересный диссонанс. Любопытный метод. Неэлегантный, но эффективный. - Он открыл глаза. - Сделка состоялась. - И передал Клементию маленький, изящный флакон из тёмного стекла, наполненный серым, невесомым пеплом. «Пепел отождествлённого внимания».

Вернувшись к Звягинцеву с добычей - кожей и пеплом, - Клементий получил одобрение и обещание, что через три дня барьер для его нового дома будет готов. Доктор также, выслушав про пуговицу, нахмурился.

- Это меняет дело. Церковь Глаза - не просто фанатики. Это организация с иерархией. Собиратели - их низший эше-

лон, добытчики материалов и... кандидатов. Если охотник был с ними связан, то ваш конфликт вышел на новый уровень. Будьте готовы к тому, что они попытаются выйти на вас через мир спящих. Через вашу работу, ваших знакомых.

Именно это предупреждение стало последней каплей. Клементий понял, что время пассивного сбора информации и обороны закончилось. Нужно было действовать на опережение. И у него теперь были для этого инструменты: знания от Звягинцева и Полуночницы, образцы астральных материалов, барьер для дома (скоро) и главное - понимание, что все нити, кажется, начинают сходиться. Церковь Глаза (пуговица), тайны Морозова (Уплотнитель), охотники... Всё это была одна большая, грязная паутина, опутавшая Архангельск. И где-то в её центре сидел тот самый «Хозяин».

У него созрел рискованный, почти безумный план. Не прямой штурм часовни. Нет. Что-то более изощрённое, использующее его специфические способности. Он решил инсценировать «просачивание» - создать видимость нового, спонтанного астрального разлома, причём в таком месте, которое привлечёт внимание всех заинтересованных сторон: и Церкви Глаза (жаждущей контакта с иным), и людей «Хозяина» (контролирующих такие точки), и, возможно, других игроков. В хаосе, который за этим последует, можно будет разглядеть истинные лица и намерения, а возможно - и нанести удар по ослабевшим или зазевавшимся звеньям цепи.

Местом он выбрал пустырь недалеко от фабрики Моро-

зова, но вне её охраняемой территории. Время - ближайшее полнолуние, когда активность всех мистических сил и так повышена. Для инсценировки потребуются все его накопленные ресурсы: порошок теней для создания видимости сущностей, его собственная способность к искажению восприятия, чтобы усилить эффект, и... возможно, помощь Полноночницы, чтобы сделать иллюзию астрально достоверной.

Это была авантюра. Но Клементий, сидя в своей каморке и глядя на пуговицу с плачущим глазом, чувствовал, что иного выхода нет. Он больше не мог просто ждать следующего удара. Чтобы защитить Мирона, Анфису и себя, ему нужно было самому стать источником непредсказуемого, контролируемого хаоса. Стать не просто Безумцем, а режиссёром всеобщего помешательства. И первым шагом к этому станет послание к Полноночнице с предложением о новом, ещё более опасном сотрудничестве. Игра переходила в активную фазу, и Клементий готовился сделать свой самый смелый и безрассудный ход.

Глава 9

Мысль об инсценировке разлома казалась бредовой даже ему самому. Но именно этот бред, эта готовность играть с огнём, делала план психологически верным. В мире восходящих, где всё строилось на тайных знаниях и расчёте, самое неожиданное - это чистая, безудержная импровизация. Безумец как раз и был её олицетворением.

Клементий изложил свою идею Полуночнице в новом послании, на сей раз не на бересте, а на обороте театральной афиши, найденной в мусоре, - подходящий фон для грядущего спектакля (использовать бумагу из конторы Клементий не хотел, что бы в случае попадания записка не в те руки, не сужать круг поисков). Он описал суть: создать иллюзию спонтанного «просачивания» в назначенную ночь. Он обеспечит «спецэффекты» из порошка теней и искажения восприятия. Её задача - сделать иллюзию астрально достоверной для сканирования со стороны, наложив на место лёгкий, но убедительный лунный отпечаток настоящего разлома. Цель: приманить заинтересованных сторон, посеять панику и взаимное недоверие, а в суматохе - возможно, выяснить больше о связях между игроками. Он не писал о тайной надежде спровоцировать столкновение между Церковью Глаза и людьми Хозяина.

Ответ пришёл быстро и был лаконичным, выжженным на

полоске бересты, вложенной в ту же щель пакгауза: «Безумно. Поэтому может сработать. Согласна. Лунный отпечаток обеспечу. Условие: я наблюдаю издали. Не вмешиваюсь, если не будет прямой угрозы мне. Место и время согласовано. - П.»

Она согласилась. Значит, план имел хотя бы призрак рациональности. Теперь нужно было готовить «сцену».

Пустырь у фабрики Морозова был идеален: вид на мрачные корпуса, закрытые окна которых походили на слепые глаза, кучи шлака, проросшие бурьяном, и полуразрушенная кирпичная стена бывшего склада. Место было достаточно уединённым, но не настолько, чтобы на него не обратили внимание ночные сторожа или патрули. Клементий провёл здесь несколько вечеров, изучая астральную карту. Потопки здесь были слабыми, прерывистыми, загрязнёнными промышленной тоской и усталостью сотен рабочих - идеальный фон для внезапной «вспышки».

Он разметил место мысленно. Центр «разлома» - за стеной склада. Зона видимых эффектов - перед ней. Укрытие для себя - груда битого кирпича в двадцати шагах, откуда открывался хороший обзор. Он спрятал там фонарь с зелёным стеклом, несколько горстей обычной сажи (для физических «следов») и, самое главное, свинцовый цилиндр с порошком теней.

Полнолуние наступило с неестественной, театральной ясностью. Небо было чёрным бархатом, на котором висел осле-

пительно-белый, до синевы диск, заливавший мир холодным, безжалостным светом. Тени были резкими, как ножи. В такую ночь даже спящие чувствовали беспокойство, а у проснувшихся звенело в крови.

Клементий пришёл за два часа до полуночи. Он был одет во всё тёмное, лицо закрыто шарфом. В карманах - медяки, флакон с солёной водой (на всякий случай) и медальон, который в такую ночь был едва тёплым, словно дремал, набираясь сил. Он занял позицию за грудой кирпича и начал готовиться, раскладывая перед собой порошок теней на листе бумаги.

Перед ним, на отмеченном месте, уже лежал едва заметный знак - серебряная булава, воткнутая в землю. Метка Полуночницы. Она уже побывала здесь и, видимо, начала свою работу. Клементий, включив астральное зрение, увидел, как от булавки тянется тончайшая, почти невидимая паутина лунного света, заброшенная на участок перед стеной. Это был «отпечаток» - не настоящий разлом, но его изощрённая подделка, которая при сканировании должна была давать те же фоновые колебания, что и слабое просачивание. Работа мастера.

Теперь очередь была за ним. Он должен был сделать подделку зрелищной.

Ровно в полночь, когда лунный свет был в зените, он начал. Сначала - физические эффекты. Он бросил несколько щепоток сажи в предварительно разведённый маленький ко-

стёрчик из сухого бурьяна. Дым стал густым, чёрным, странно клубящимся. Затем, взяв горсть порошка теней, он медленно, по ветру, стал рассеивать его в направлении отмеченной зоны. Порошок, попадая в лунный свет и в поле лунного отпечатка Полнолуночницы, начал оживать. Из него стали материализовываться те самые тени-насекомые, но на сей раз они были больше, отчётливее. Они не летали хаотично, а словно выполняли ритуальный танец, кружась в кольце, очерченном невидимой астральной нитью. Это было жутко и красиво.

Затем он приступил к главному - искажению восприятия самой области. Он закрыл глаза и собрал всё своё умение. Он не просто проецировал хаос. Он создавал конкретную галлюцинацию. Он представлял, как стена склада позади танцующих теней начинает «плавиться», её кирпичи смещаются, образуя подобие того самого полураскрытого Глаза из его медальона, но искажённого, пульсирующего. Он вложил в эту визуализацию ощущение древности, давления и неминуемого прорыва. Это была не атака на кого-то, это было создание мощного, пассивного образа, который должен был воздействовать на любого, кто посмотрит на это место астральным зрением.

Его голова загудела от напряжения. Из носа потекли тёплые струйки. Но он держал фокус. На астральном плане картина была впечатляющей: лунная паутина Полнолуночницы дрожала, резонируя с его энергией, пляшущие тени добавляли динамику, а иллюзорный «Глаз» в стене излучал волны

тревожащей, чуждой «значимости». Для любого наблюдателя это должно было выглядеть как начальная стадия формирования серьёзного разлома, возможно, даже канала для чего-то большого.

Он продержал этот образ пятнадцать минут - вечность в таком напряжении. Потом, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, начал сводить эффект на нет. Сначала распустил «Глаз», позволив стене вернуться к нормальности. Затем перестал подсыпать порошок - тени, лишившись «пищи», стали бледнеть и растворяться. Наконец, он засыпал костёр землёй. Физические проявления исчезли.

Но астральный «отпечаток» события, смесь его силы и лунного искусства Полуночницы, ещё висел в воздухе, медленно рассеиваясь, как дым после фейерверка. Этого было достаточно. Приманка была установлена.

Измотанный, он отполз глубже в тень, достал заранее припасённую бутылку с водой, смешанной с сахаром и солью (примитивный энергетик, подсказанный Звягинцевым), и стал пить, стараясь не шуметь. Теперь оставалось ждать. Кто клюнет первым?

Первый «зритель» появился уже через полчаса. С фабричной территории, перелезая через невысокий забор, спустилась фигура в тёмном. Не Уплотнитель. Это был кто-то менее массивный, с аурой, отдающей кислой зеленью зависти и острой жёлтой трусости. Восходящий низкого уровня, вероятно, сторож или мелкий приспешник людей Хозяина. Он

осторожно подкрался к месту действия, оглядываясь, и замер, уставившись на то место, где плясали тени. Даже сейчас, после окончания представления, астральный след был достаточно силён, чтобы впечатлить такую мелкую сошку. Человек вытащил какой-то предмет - возможно, коммуникационный артефакт - и что-то в него прошептал. Затем, бросив последний испуганный взгляд, ретировался обратно на фабрику.

Первый сигнал подан, - подумал Клементий. Теперь в кругах Хозяина знали о «вспышке».

Вторыми пришли они. Появились не с территории фабрики, а с городских улиц. Трое. Их ауры были знакомы по тому, что он видел на кладбище: острые, колючие, с душком меди, крови и теперь - жадного любопытства. Охотники. Но не Яков. Другие. Они двигались профессионально, бесшумно, занимая позиции вокруг пустыря, сканируя местность. Один из них, самый высокий, с аурой цвета тухлой бронзы, подошёл прямо к эпицентру. Он достал не лорнет, а нечто вроде астральной аромакурительницы - маленькую жаровню, в которой что-то тлело, выпуская дымок. Он водил этим дымом над землёй, изучая его колебания. Его лицо, освещённое луной, выражало не столько тревогу, сколько расчётливую оценку. «Новый ресурс. Возможно, нестабильный. Нужно доложить». Охотники пробыли минут десять, обменявшись беззвучными жестами, и так же тихо исчезли в ночи, как и появились.

Клементий начал уже сомневаться, придёт ли вообще Церковь Глаза. Может, они были осторожнее? Или у них были другие приоритеты в эту полнолунную ночь?

И тогда, без всякого предупреждения, воздух над пустырём содрогнулся. Не астрально. Физически. Послышался низкий, на грани слышимости, гул, словно где-то далеко заколебалась гигантская струна. Из тени за углом дальнего корпуса фабрики вышла группа.

Их было пятеро. Они шли процессией, медленно, торжественно. Впереди - человек в тёмном балахоне с капюшоном, несущий перед собой на вытянутых руках медный вогнутый диск, чем-то отдалённо напоминавший большой медный таз. От которого исходило слабое, болезненное свечение и тот самый гул. За ним - двое с факелами, но пламя было не оранжевым, а зелёным, отливающим синим, и почти не давало тепла, лишь отбрасывало мерцающие тени. И сзади - ещё двое, в простой одежде, но с медными нашивками в виде слёз на груди. Собиратели.

Это была Церковь Глаза. И они не просто пришли посмотреть. Они пришли провести ритуал. Видимо, «вспышка» была воспринята ими как знак, как приглашение от тех сил, которым они поклонялись.

Клементий затаил дыхание. Его план работал слишком хорошо.

Процессия остановилась на том самом месте. Человек с диском начал раскачивать его из стороны в сторону, гул на-

растал. Факелonosцы встали по обе стороны. Собиратели опустились на колени. Началось бормотание - на том же гортанном, неприятном языке, что использовал Яков, но более слаженное, хоровое.

И тут Клементий увидел нечто, от чего кровь стыла в жилах. На диске, в гуле, начали проступать очертания. Неясные, искажённые, но узнаваемые. Очертания лиц. Лиц в муке. Лиц, кричащих беззвучно. Это были не призраки. Это были, как он понял, астральные отпечатки тех, кого Церковь принесла в жертву или чьи умы сломала в своих ритуалах. Они использовали накопленную боль как топливо, как проводник для своего призыва.

Ритуал набирал силу. Зелёное пламя факелов вытянулось вверх, образовав нечто вроде врат. Гул стал почти осязаемым, давя на барабанные перепонки. И в этот момент из-за стены фабрики, тяжёлой, неспешной поступью, вышел Уплотнитель. Он был не один. С ним было ещё двое людей в одинаковой, тёмной одежде - охранники или ассистенты. Их ауры были приглушёнными, подчинёнными его мощной, землистой энергии.

Уплотнитель не стал скрываться. Он просто вышел на открытое пространство и остановился, глядя на ритуал Церкви. Его каменное лицо выражало не гнев, а раздражающее неудовольствие, как у хозяина, заставшего грязных бродяг в своём саду.

- Прекратите, - его голос прозвучал громче гула, резанув

тишину. - Эта территория под запретом. Вы нарушаете договорённость.

Человек с диском, не прерывая бормотания, лишь повернул голову в сторону Уплотнителя. Из-под капюшона не было видно лица, но аура его вспыхнула багровым вызовом. Фанатики Церкви не боялись уплотнителей. Они служили «высшим» силам.

Один из факелоносцев резким движением направил язык зелёного пламени в сторону Уплотнителя. Пламя не коснулось его, но астральная составляющая огня, ядовитая и разъедающая, ударила в землистую защиту уплотнителя. Тот даже не дрогнул. Он просто поднял свой каменный жезл и ткнул им в землю перед собой.

Земля вздыбилась. Небольшая, но плотная каменная волна, словно порождение миниатюрного землетрясения, покадилась от него к группе фанатиков. Она сбила с ног одного из собирателей, заставила качнуться факелоносцев. Ритуал дрогнул. Гул прервался на секунду.

И в эту секунду случилось непредвиденное.

Тот самый астральный «отпечаток», который создали Клементий и Полуночница, всё ещё висевший в воздухе, сдетонировал от столкновения двух мощных внешних энергий - ядовитого огня Церкви и уплотняющей силы Земли. Он не взорвался. Он исказился, породив спонтанный, дикий всплеск чистого астрального шума, белого шума восприятия.

Для Клементия, чьи чувства и так были на пределе, это было как удар хлыстом по мозгам. Он вскрикнул, схватившись за голову. Но для участников столкновения эффект был иным. На несколько секунд все их способности, их астральное зрение, их ритуальная концентрация - вышли из строя, захлёбываясь в бессмысленном хаосе. Зелёное пламя погасло, земляная волна рассыпалась в пыль, гул умолк. Уплотнитель и фанатики застыли в немой растерянности, слепые и глухие в астральном плане.

Это был момент предельной уязвимости для всех.

И его использовал третий.

Из тени, откуда Клементий и не думал смотреть, метнулась быстрая, низкая тень. Не человек. Существо. Оно было размером с крупную собаку, но сложено из теней и осколков отражённого лунного света. Его аура была хищной, стремительной и пахла... охотой и возможностью. Оно промчалось между застывшими группами, и его длинная, неосязаемая лапа вырвала из рук ошеломлённого фанатика тот самый медный диск с гулом и кричащими лицами. Существо не стало атаковать дальше. С добычей в «пасти», оно развернулось и исчезло в темноте между корпусами, растворившись так же быстро, как и появилось.

Мгновение тишины. Потом хаос.

Уплотнитель пришёл в себя первым. Он с яростью посмотрел на фанатиков, а затем в ту сторону, где скрылось существо. Он издал короткий, рычащий приказ своим людям,

и они бросились в погоню, но было ясно - догнать призрачного вора они не смогут.

Церковь Глаза пришла в бешенство. Их святыня, их инструмент для связи с «Взирающим в Бездну», был похищен у них прямо из-под носа! Они завопили, не словами, а какими-то животными звуками ярости и отчаяния, и, бросив убийственные взгляды на Уплотнителя (вина, видимо, его в случившемся), стали поспешно отступать, унося сбитого с ног собрата.

Через пять минут на пустыре никого не осталось, кроме ветра, развевающего пепел от костра, и витающего в воздухе запаха страха, гнева и... победы какого-то третьего, неизвестного игрока.

Клементий сидел за грудой кирпича, дрожа от холода, истощения и потрясения. Его план сработал. Более чем. Он не просто спровоцировал столкновение. Он стал свидетелем кражи, которая, без сомнения, взорвёт и без того хрупкое равновесие в подполье. Церковь Глаза обвинит людей Хозяина (Уплотнителя) в срыве ритуала и краже. Хозяин, в свою очередь, будет в ярости от того, что фанатики устроили шабаш на его территории и привлекли внимание того самого таинственного существа-вора. А это существо... кто оно? Ещё один независимый игрок? Питомец кого-то из старших восходящих?

Он не знал. Но знал одно: паутина, опутавшая город, только что получила мощный, разрушительный импульс. Ни-

ти натянулись до предела. И в образовавшемся напряжении можно будет разглядеть то, что было скрыто.

Он допил воду, с трудом встал и, пошатываясь, побрёл домой. Его голова гудела, но мысли были ясными. Представление окончено. Первый акт его активной игры завершился непредсказуемым, но выгодным для него финалом. Теперь нужно было переждать первую волну последствий, наблюдать и готовиться ко второму акту. А для этого нужно было поговорить с единственным человеком, который, возможно, знал что-то о существе-воре. С Полуночницей. Их молчаливый союз только что прошёл боевое крещение, и теперь между ними была связь, крепче любого знакомства - связь соучастников.

Глава 10

Последствия «спектакля» на пустыре пришли не громом полицейских расследований или уличных перестрелок, а тихой, ядовитой сменой фаз в подпольной жизни города. Клементий, чьи нервы были натянуты до предела, первые дни ждал немедленной реакции: нападения на дом, ареста на работе, появления новых охотников у порога. Но ничего такого не произошло. Вместо этого наступила тревожная, звенящая тишина.

В мире спящих всё шло своим чередом. В газетах промелькнула заметка о «необъяснимых огнях и звуках» у фабрики Морозова, списанных на выходки хулиганов или скопившийся в старых трубах газ. История с гостиницей «Северная» потихоньку затухала, вытесненная скандалом о растрате в городской управе. Жизнь Мирона и Анфисы текла в своём обычном, бедном русле. Дом, благодаря барьеру, который Звягинцев тайно установил и активировал, теперь ощущался Клементием как небольшой островок неестественного спокойствия. Аура здания стала тусклой, невыразительной, словно покрытой слоем пыли, отталкивающей случайный взгляд. Это приносило облегчение, но и наводило на мысль: если защита так эффективна, значит, угроза реальна и близка.

В мире же восходящих тишина была иного рода. Это была

тишина затаившегося зверя. Астральный фон Архангельска, который Клементий теперь постоянно считывал на низком уровне, будто сдвинулся. Раньше он был пёстрым ковром из отдельных, часто хаотичных эманаций. Теперь в нём появились чёткие, тёмные узлы напряжения. Один - в районе особняка Морозова (землисто-коричневая аура «Хозяина» сгустилась, стала плотнее и... раздражённее). Второй - в районе переулка Глазного, где была часовня (оттуда теперь веяло багровыми волнами ярости и похоронным звоном медного гула, но приглушённого, словно кипящего под крышкой). И третий, новый узел - где-то в районе старого порта, недалеко от причалов для частных судов. Оттуда шло слабое, но совершенно новое свечение - холодное, отстранённое, с оттенком зимней звёздной ночи. «Совет Холода», о котором говорил Звягинцев, активизировался. Видимо, встряска заставила и их выйти из тени.

Отсутствие прямой атаки было хуже открытой войны. Это означало, что противники перешли к разведке, анализу и консолидации. Они искали того, кто устроил провокацию. И Клементий понимал, что его с Полуночницей могут вычислить. Их сотрудничество, их уникальные «почерки» (лунный отпечаток и безумный диссонанс) могли быть распознаны теми, у кого были достаточно древние знания или тонкие инструменты.

Поэтому его визит к Полуночнице был продиктован не только любопытством, но и необходимостью координиро-

вать версии. Он не стал писать. Он пришёл к пакгаузу днём, в рабочий час, когда улицы были полны людьми. Постучал в ту самую, замаскированную дверь особым ритмом, который подсмотрел, когда она входила - два коротких, пауза, три длинных.

Дверь открылась не сразу. Через щелку он услышал её голос:

- Если вы не торговец солью из Архангельска, уходите.

- Я пришёл обсудить отзывы на наше... представление, - тихо сказал Клементий.

Дверь отворилась на дюйм, и он быстро проскользнул внутрь. Полуночица стояла в полумраке своего убежища. Она выглядела уставшей. Под глазами были тёмные круги, но взгляд её светлых глаз был острым, как скальпель. Внутреннее пространство пакгауза преобразилось. Теперь оно напоминало не склад, а обсерваторию сновидений. С потолка свисали маятники из хрусталя и серебра, на стенах висели сложные карты, нарисованные на шкурах, с отметинами, светящимися в темноте. В центре на низком столике стояла большая чаша с абсолютно чёрной, неподвижной жидкостью - бассейн для гадания на тенях и отражениях.

- Ты создал больше проблем, чем решил, - сказала она без предисловий. Её голос звучал не обвиняюще, а констатирующе. - Но, возможно, это был единственный способ вскрыть нарыв. Тот вор... существо. Его называют «Ловец Эхо». Бродячая сущность, не принадлежащая ни к одному из извест-

ных Пути Восхождения. Питается сильными астральными эмоциями и артефактами, их излучающими. Оно редко появляется в городах. Его привлёк гул диска. И наша... имитация разлома, вероятно, ослабила границу достаточно для его краткого проявления.

- Значит, это был не чей-то питомец?

- Нет. Это стихийное бедствие на ножках. Опасно непредсказуемостью. Хорошая новость: теперь у Церкви Глаза нет своего главного инструмента для низкоуровневого контакта. Плохая новость: «Ловец Эхо» теперь где-то в городе с артефактом, излучающим боль и безумие. Это как оставить бочку с порохом в детской. И все теперь ищут и его, и тех, кто создал условия для кражи.

Она подошла к чаше и провела рукой над поверхностью. Чёрная жидкость заколебалась, и в ней проступили смутные образы: искажённые лица, тени, бегущие по улицам.

- Я следила за узлами, - продолжила она. - «Хозяин» - это, судя по всему, человек по фамилии Груздев. Бывший горный инженер, ныне владелец доли в фабрике Морозова и нескольких мелких мануфактур. Он восходящий по пути «Тиран» или «Инженер» - что-то связанное с контролем, формой, преобразованием материи. Уплотнитель - его правая рука. Их цель - не просто бизнес. Они ищут способ стабилизировать и использовать астральные аномалии, возможно, для создания новых материалов или... оружия. Фабрика - их лаборатория. То «просачивание» у мельницы было для

них как нефтяная скважина. Наше вторжение и последующая кража их сильно взбесили, но они сейчас заняты укреплением своей территории и поиском «Ловца». Церковь Глаза... они самые непредсказуемые. Без диска или таза, как в шутку его называют остальные, они ослаблены, но от этого лишь озлобленнее. Они могут пойти на отчаянные шаги, чтобы вернуть святыню или найти замену. И они, несомненно, ищут нас.

- А «Совет Холода»? - спросил Клементий.

- Арктические мистики. Их путь связан с холодом, изоляцией, сохранением. Они видят в активности других угрозу хрупкому балансу северных земель. Их пробуждение - плохой знак. Значит, они считают, что ситуация выходит из-под контроля. Они могут вмешаться как «санитары», уничтожая и источник проблемы, и всех причастных.

Клементий слушал, и картина складывалась в мозаику ещё более мрачную, чем он предполагал. Он был песчинкой, случайно застрявшей между жерновами нескольких могущественных группировок.

- Что нам делать?

- Выжидать и наблюдать, - ответила Полуночица. - Ты проделал свою часть. Теперь волна идёт. Нам нужно стать невидимыми. Я углублю свою маскировку. Тебе - совершенствовать свой «Покров». И... тебе нужно подумать о продвижении.

Последние слова заставили его вздрогнуть. Продвижение

по пути Восхождения. Ступень 8 - «Спекулянт». Рецепт и ингредиенты. Мысль о большей силе была соблазнительна, но и пугала. Каждый шаг вверх увеличивал могущество, но и цену, и внимание со стороны других.

- У Звягинцева был анонимный рецепт...

- Доверять анонимам - верный путь к тому, чтобы стать ингредиентом в чужом котле, - резко парировала она. - Рецепты «Спекулянта» - не такая уж редкость. Их можно найти в старых архивах, купить у доверенных лиц... или выменять. У меня есть... контакт. Тут в Архангельске. Но для этого нужен капитал. Тот порошок теней, что у тебя остался, - часть капитала. Но нужна ещё одна вещь. Нечто, что докажет твою ценность и надёжность.

- Что?

- Информация. Конкретная, проверяемая информация о том, что именно происходит в подвале особняка Морозова-Груздева. Не догадки. Доказательства. Планы. Если мы сможем добыть это, у меня будет чем торговаться за безопасный рецепт. И это поможет всем нам понять, с чем мы имеем дело.

Задание было смертельно опасным. Лезть в логово Уплотнителя и его хозяина после того, как они были приведены в состояние повышенной боевой готовности? Самоубийство.

- Как?

- Не силой. Хитростью. Ты - Безумец. Твоё оружие - восприятие и хаос. Ищи не дверь, а щель. Не охрану, а слепое

пятно. У всего есть изнанка, даже у самой прочной стены. Изучай. Следы. Фабричные рабочие, слуги, поставщики... в их мыслях и разговорах могут быть осколки истины. Используй свою способность не для атаки, а для... подслушивания астральных отголосков, эмоциональных шлейфов. Собери пазл.

Она дала ему срок - две недели. До следующего новолуния, когда активность астрального фона будет минимальна, что может упростить скрытное проникновение, если оно понадобится.

Клементий вышел из пакгауза с тяжестью новой миссии на плечах. Но также с чувством странного облегчения. У него был план. Была цель, кроме простого выживания. И был союзник, чей холодный ум был ему сейчас нужнее горячего сердца.

Следующие дни он потратил на астральную разведку вокруг особняка Морозова-Груздева. Он не приближался физически. Он находил укрытия в соседних зданиях - чердаки, пустующие комнаты, - и оттуда, на пределе своих возможностей, растягивал своё астральное восприятие, как паутину, пытаясь уловить малейшие вибрации, исходящие от зловещего особняка.

Он узнал много мелкого, но важного. Узнал, что основные поставки идут не через главные ворота, а через задний въезд со стороны реки, ночью, на закрытых телегах. Уловил астральные следы определённых реагентов - серы, ртути, че-

го-то органического и гниющего, что вызывало у него тошноту даже на расстоянии. Услышал (в астральном смысле) обрывки мыслей усталых кучеров - «опять этот проклятый камень везут», «воздух там такой, что сводит скулы», «барин требует всё быстрее, чуть лошадь не загнали».

Он увидел, как один раз из дома вынесли на носилках, укрытых брезентом, что-то человекообразное, но с аурой, которая была... неправильной. Не мёртвой, но и не живой. Искажённой, как бы сплющенной и растянутой одновременно. Это зрелище преследовало его во сне.

Но главное открытие пришло не от наблюдения за особняком, а от наблюдения за рекой. В одну из ночей он заметил, как от частного причала неподалёку от особняка отчалила небольшая лодка. В ней был один гребец. Аура его была не землистой, как у людей Груздева, а мерцающей, изменчивой, с рыбьим отливом. И лодка шла не в сторону города, а вверх по течению, к заброшенным лесным пристанищам. Человек из «Совета Холода»? Или другой независимый?

Клементий решил проследить. Пешком, по берегу, держась на границе видимости. Лодка причалила к полуразрушенному бревенчатому сараю у воды. Гребец вошёл внутрь. Клементий, рискуя, подобрался ближе и заглянул в щель. Внутри сарая было не пусто. Там, в свете одной-единственной свечи, сидело двое. Гребец и... женщина. Такая аура была ему знакома - колючая, медная, но приглушённая, с налётом усталости и боли. Это была аура охотника. Но не того,

что на кладбище. Другая. Возможно, она была недавно ранена?

Он не мог расслышать слова, но уловил астральный оттенок разговора - торг. Охотница что-то предлагала. Человек из «Совета» что-то оценивал. Затем охотница вытащила из-под плаща небольшой предмет и протянула. Это был обгоревший осколок чего-то, что светилось тусклым, зелёным светом. Артефакт? Часть добычи? Человек из «Совета» взял осколок, осмотрел и кивнул. Затем дал охотнице небольшой мешочек. Обмен состоялся.

Клементий отполз, разум лихорадочно работал. Охотница, вероятно из той же шайки, что и Яков, торговала с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.